

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИССЛЕДОВАНИЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Материалы республиканских
научно-практических семинаров**

Минск, 9 октября 2020 г.

Минск, 7 октября 2021 г.

Научное электронное издание

Минск, БГУ, 2023

ISBN 978-985-881-606-3

© БГУ, 2023

УДК 327(476)(06)
ББК 66.4(4Бей)я431

Редакционная коллегия:

кандидат политических наук *Е. А. Достанко* (гл. ред.);
доктор политических наук *Ю. И. Малевич*; доктор исторических наук *В. Е. Снапковский*; доктор исторических наук *В. В. Фрольцов*;
кандидат исторических наук *Е. В. Демидович*; кандидат исторических наук *А. В. Селиванов*; кандидат исторических наук *А. В. Тихомиров*

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент *С. А. Толмачёва*;
кандидат исторических наук, доцент *И. В. Жилинская*

Исследование международных отношений в Республике Беларусь: состояние и перспективы [Электронный ресурс] : материалы респ. науч.-практ. семинаров, Минск, 9 окт. 2020 г., 7 окт. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: *Е. А. Достанко* (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2023. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – ISBN 978-985-881-606-3.

Рассматриваются основные тенденции формирования внешней политики Республики Беларусь, особенности геополитического положения страны, результаты изучения ее международных отношений в современных условиях. Представлены материалы о результативности научных исследований в области международных отношений некоторых стран.

Минимальные системные требования:

PC, Pentium 4 или выше;
RAM 1 Гб; Windows XP/7/10;
Adobe Acrobat.

Оригинал-макет подготовлен в программе Adobe InDesign.

Ответственный за выпуск *Е. Н. Кравченко*.

Дизайн обложки *В. П. Явуз*. Технический редактор *В. П. Явуз*.

Компьютерная верстка *Л. В. Жаборовской*. Корректор *А. А. Гацкан*.

Подписано к использованию 27.12.2023. Объем 1,02 МБ.

Белорусский государственный университет.

Управление редакционно-издательской работы.

Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Телефон (017) 259-70-70.

email: urir@bsu.by

<http://elib.bsu.by/>

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
<i>Е. П. Гросс.</i> МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА.....	6
<i>О. С. Журавская.</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НЕВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И НАТО.....	14
<i>И. И. Ковяко.</i> ОБЪЕДИНЕНИЕ ПРОТИВ ИНТЕГРАЦИИ: ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ В РАБОТАХ ИСТОРИКОВ ШКОЛЫ «СДЕРЖИВАНИЯ».....	20
<i>Лю Сянцян.</i> ТУРИСТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КНР В НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	27
<i>Ю. И. Малевич, Чжан Юйлин.</i> КРИТЕРИИ ПРИЕМЛЕМОСТИ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯС – ПУТЬ» ДЛЯ СТРАН АФРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА.....	37
<i>И. А. Мельников.</i> ГУМАНИТАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19.....	44
<i>С. Ф. Свилас.</i> О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ПОДХОДЕ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	49
<i>В. М. Слепцова, С. Ф. Свилас.</i> ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	55
<i>В. Е. Снапковский.</i> О ЗАПАДНЫХ НАУЧНЫХ ШКОЛАХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	63
<i>Хуан Куньпэн.</i> СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И ВОЗ В ПОСТЭПИДЕМИЧЕСКУЮ ЭПОХУ (COVID-19)	72
<i>Ши Даньдань.</i> ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ КНР (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	77

<i>И. И. Ковяко.</i> ПРОБЛЕМАТИКА ГДР В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОСЛЕ 1990 г.: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ	83
<i>В. Е. Снапковский.</i> О МЕТОДОЛОГИИ И ИСТОРИОГРАФИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СССР, УКРАИНСКОЙ ССР И БЕЛОРУССКОЙ ССР В ООН.....	91
<i>К. И. Ярмошук.</i> ИЗМЕНЕНИЕ СТРАТЕГИИ БЕЗОПАСНОСТИ АВСТРАЛИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ.....	104

ВВЕДЕНИЕ

В издании представлены материалы республиканских научно-практических семинаров «Исследование международных отношений в Республике Беларусь: состояние и перспективы», проведенных кафедрой международных отношений БГУ. Семинары стали продолжением научной дискуссии о современном формате и результативности научных исследований в области международных отношений, открытой в 2018 г. В работе приняли участие преподаватели, аспиранты и магистранты кафедры международных отношений БГУ, представители других вузов и научных организаций Республики Беларусь.

В центре внимания участников было изучение проблем международных отношений в Республике Беларусь в контексте основных тенденций развития гуманитарных наук и образовательного процесса, методика преподавания международных отношений. Значительное внимание уделено оценке форм и результатов осуществления внешней политики Беларуси с учетом накопленного исторического опыта и современных политических реалий и изучению основных трендов трансформации международных отношений в новых условиях (в первую очередь реконфигурации евразийского пространства).

Участники семинаров проанализировали инновационные подходы в области методологии изучения и преподавания международных отношений в контексте деятельности зарубежных научных школ и научных направлений (гендерного подхода, междисциплинарности и т. п.).

В рамках работы семинаров участникам было предложено более активно доносить результаты научных разработок до белорусской общественности и научного сообщества за пределами нашей страны, синтезировать научные знания во взаимодействии с представителями иных научных направлений в части исследования международной проблематики, актуализировать исследуемые проблемы.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА¹

Е. П. Гросс

*Институт истории НАН Беларуси
ул. Академическая, 1, Минск, Республика Беларусь, 220072
gross.alena@mail.ru*

Рассматривается деятельность Белорусского общества Красного Креста (БОКК) в новых социально-экономических условиях после 1991 г. В дальнейшем организация сосредоточила свою работу на таких аспектах, как распространение знаний о международном гуманитарном праве и Красном Кресте, подготовка и реагирование на чрезвычайные и кризисные ситуации, социальная помощь людям на дому, медицинское обслуживание, укрепление организационного потенциала Белорусского Красного Креста и др. В последующие годы Белорусский Красный Крест реализовал много новых проектов, изменивших имидж организации: если ранее БОКК воспринимали в первую очередь как источник гуманитарной помощи, то теперь спектр поддержки расширился за счет помощи специалистов, психологической поддержки, защиты уязвимых слоев населения и мобилизации сообществ.

Ключевые слова: Красный Крест; Беларусь; Чернобыль; беженцы; служба милосердия; волонтер; общественная организация; гуманитарная помощь.

INTERNATIONAL ACTIVITIES OF THE BELARUSIAN RED CROSS SOCIETY

A. P. Gross

*Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus
Academic str., 1., Minsk, Belarus, 220072
gross.alena@mail.ru*

Gaining the independence by Belarus and new socio-economic conditions after 1991 forced the Belarus Red Cross to change its activity. During the next twenty-nine years the organization concentrated its activity on such aspects as

¹ Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ) (проект № Г20М-007 – Белорусское общество Красного Креста: становление и развитие).

distribution of knowledge about international humanitarian law and the Red Cross; preparing and responding to emergency and crisis situations; social assistance for people at home, medical care; strengthening the organizational capacity of the Belarus Red Cross and others. During the next years Belarus Red Cross implemented many new projects that changed the image of the organization. If earlier it was perceived primarily as a source of humanitarian aid, now the range of support has been expanded through assistance from specialists, psychological support, advocacy for the vulnerable and mobilizing of communities.

Keywords: Red Cross; Belarus; Chernobyl; refugees; Charity Service; volunteer; non-governmental organization; humanitarian help.

Обретение независимости и новые социально-экономические условия вынудили БОКК адаптировать свою деятельность под новые реалии. Наиболее заметные изменения произошли в области международного сотрудничества. Организация получила свободу в развитии и налаживании отношений с международными партнерами, в Беларуси было открыто представительство Международной Федерации Красного Креста. В работе появились такие новые направления, как борьба с ВИЧ/СПИД, работа с беженцами и др.

Наиболее знаковым событием первой половины 90-х гг. XX в. было признание БОКК в качестве национального общества Международным движением Красного Креста и Красного Полумесяца. Так, с 1995 г. БОКК является членом Международной Федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Согласно Соглашению между правительством Республики Беларусь и упомянутой Федерацией о статусе представительства Международной Федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца в Республике Беларусь, подписанным 5 августа 1995 г., ратифицированным парламентом 16 мая 1996 г. и вступившим в силу для Республики Беларусь 10 июля 1996 г., в Минске было открыто представительство, а его сотрудники обладали такими же правами и привилегиями, как и дипломатические представители. Учитывая значимость участия Республики Беларусь в Международном движении Красного Креста и Красного Полумесяца с 1997 г., средства на уплату членского взноса в Международную Федерацию обществ Красного Креста и Красного Полумесяца БОКК получал из государственного бюджета Республики Беларусь.

Основными направлениями работы организации были следующие.

Чернобыльская программа. С 1990 г. Белорусский Красный Крест при поддержке Международной Федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца реализовывал Чернобыльскую программу гуманитарной помощи и реабилитации. Было проведено медицинское обследование населения, проживающего в наиболее отдаленных и загрязненных районах Брестской, Гомельской и Могилевской областей, для выявления патологии щитовидной железы [1]. С помощью этой программы Брестское региональное отделение Белорусского Красного Креста получило 6 аппаратов УЗИ, 117 аптек и медикаменты. В 1997 г. в мобильных лабораториях было обследовано 13 818 взрослых и 4471 ребенок [2].

«Чрезвычайный зимний призыв». Его ввели с 1997 г. в рамках Программы адресной поддержки малоимущих. Например, Витебское региональное отделение Белорусского Красного Креста в 1998–1999 гг. распространило 17 т гуманитарной помощи (бывшие в употреблении одежда и обувь), полученной от Красного Креста Швеции, на сумму 4200 долл. США среди 4312 человек. Дополнительно организовывались горячие обеды для бедных [3].

Помощь беженцам. С 1996 г. в рамках соглашения с Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) Белорусский Красный Крест реализует программы помощи беженцам и просителям убежища. Организация оказывала помощь еще в 1993 г., до открытия регионального отделения УВКБ ООН в Беларуси и активации государственной миграционной службы.

Служба розыска. Была основана в 1993 г., с 1995-го работает в тесном сотрудничестве и при поддержке Международного комитета Красного Креста.

Укрепление службы сестер милосердия и оказание образовательной, материальной и социальной поддержки больным туберкулезом, ВИЧ/СПИД, а также другим наиболее нуждающимся группам населения. Программа осуществлялась при финансовой помощи Международной Федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца при финансовой поддержке Европейского сообщества и Датского Красного Креста [4]. В 2018 г. служба получила новое название – Медико-социальная служба Красного Креста «Дапамога». В ней работало около 200 медсестер и младших медсестер. Им помогали более 1100 волонтеров.

Тренинги по гуманитарному праву, привлечение волонтеров. В своей деятельности БОКК использует не только членские взносы и пожертвования, но и неденежные виды доходов, такие как услуги и помощь волонтеров, а также средства, поступившие по целевым программам от иностранных и международных организаций. Договоры на реализацию проектов благотворительной помощи заключаются непосредственно с Секретариатом БОКК.

Финансовую помощь организации оказывали национальные общества Красного Креста разных стран (Дания, Швейцария, Германия, Ирландия, Австрия, Норвегия, Франция), крупные международные организации (Международный комитет Красного Креста, Международная Федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, Международная организация по миграции, ПРООН, УВКБ ООН) и отдельные государства.

С момента создания БОКК его основным партнером оставался Датский Красный Крест. Красный Крест Германии поддерживает тесное сотрудничество на уровне региональных организаций. Гуманитарная помощь регулярно предоставляется обществами Красного Креста Швеции и Финляндии. Швейцарский Красный Крест поддерживает Службу сестер милосердия. В рамках Чернобыльской программы есть связь с Красным Крестом России и Украины. В 1997–1998 гг. БОКК в рамках программ международной технической помощи реализовал шесть проектов на сумму более 1,7 млн долл. США [5].

Важной составляющей деятельности является получение гуманитарной помощи в виде продуктов питания, медикаментов, одежды, обуви и др. Например, в 1995 г. Красный Крест Германии передал Брестской областной организации 1 млн 200 тыс. доз вакцины против дифтерии, столбняка и коклюша [6]. В 1998 г. Брестская областная организация получила гуманитарную помощь объемом 31 665 кг [7].

Полная характеристика гуманитарной помощи, поступающей из-за рубежа, невозможна без указания на факты недобросовестного формирования грузов. Известны случаи отправки под видом гуманитарной помощи непригодного сырья, медикаментов, продуктов и т. д. Получение таких грузов не только не оказывало помощь нуждающимся, но и создавало дополнительные трудности для общественных объединений, вызванные необходимостью утилизировать опасные вещества [8].

В октябре 2000 г. был принят закон № 437-З «О Белорусском Обществе Красного Креста», который устанавливал правовой статус БОКК,

определял принципы, цели, задачи, направления, условия государственной поддержки и проведения с ведома Совета Министров ежегодного месячника Красного Креста. Согласно ему БОКК признается единственной на территории Республики Беларусь национальной организацией Красного Креста и осуществляет свою деятельность на всей территории страны (ст. 5) [9].

В мае 2000 г. был принят закон № 382-З «Об использовании и защите эмблем красного креста, красного полумесяца, красного кристалла, отличительных сигналов, а также наименований “красный крест”, “красный полумесяц”, “красный кристалл”», регулирующий использование данных знаков и ответственность, в том числе уголовную, за нарушение [10].

Деятельность БОКК определялась в первую очередь финансовыми возможностями организации. До конца 1990-х гг. источником ее финансирования являлся государственный бюджет. Средства членских взносов не создавали финансовую стабильность. Однако в 2001 г. было принято решение об отказе в бюджетном финансировании БОКК, что привело к тотальному сокращению штатов, в первую очередь службы милосердия. Если в 2000 г. в штате было более 200 ставок сестер милосердия, то в 2005 г. – 29,5, а в 2007 – 17,5. Несмотря на сокращение медсестер в центрах медико-социальной помощи (а их количество за это время сократилось с 27 до 13), количество пациентов не уменьшилось, а увеличилась нагрузка на работников. Так, если в 2001 г. в 27 центрах было обслужено 24 432 человека, то в 2006 г. в 13 центрах помощь получили 14 741 человек [11].

Отмеченные выше изменения вызвали необходимость принятия нового Устава БОКК и запуска в 2002 г. процесса организационных изменений. Устав был одобрен на XIX внеочередном Съезде БОКК, состоявшемся в Минске 4 марта 2004 г., и утвержден Министерством юстиции. Председателем БОКК стал министр здравоохранения Республики Беларусь Л. Постоялко. В новом уставе был закреплён принцип разделения функций законодательной и исполнительной власти в обществе, введена должность исполнительного директора [12].

Рост численности молодежи и волонтеров в организации вызвал необходимость совершенствования деятельности по данному направлению. В 2006 г. разработали проект молодежной политики, был избран и начал действовать Молодежный Волонтерский Совет БОКК [13].

Можно отметить, что Республика Беларусь выступила не только как получатель гуманитарной помощи. В 2005 г. Витебская областная организация БОКК открыла благотворительный счет для сбора целевых пожертвований в помощь пострадавшим от наводнения в Болгарии. С этой целью в СМИ была организована рекламная кампания. Ранее общественная организация занималась сбором средств для оказания гуманитарной помощи Республике Молдова [14].

В рамках проекта «Поддержка семей с ограниченными возможностями с участием близкого окружения», реализуемого совместными усилиями Белорусского, Австрийского и Словацкого обществ Красного Креста, в 2009 г. в г. Гродно была создана мобильная мультидисциплинарная бригада, в составе которой работали специалисты (психолог, дефектолог, реабилитолог, социальный работник, медицинская сестра и др.) для оказания помощи больным детям и обучения родных и близких некоторым приемам ухода за ними. Проект также предусматривал создание дневного центра для детей с ограниченными возможностями как методической базы по организации работы с этой категорией детей в других регионах Беларуси. Реализация данного проекта повлияла на имидж БОКК. Если раньше организация воспринималась многими в первую очередь как источник получения гуманитарной помощи, то сейчас диапазон поддержки был расширен за счет ухода, содействия специалистов и психологической помощи [15].

В мае 2010 г. в Минске открыли памятник А. Дюнану. В 2010 г. создали новый сайт БОКК (первый появился в 2004 г.). Во время украинского кризиса Беларусь приняла около 150 тыс. беженцев, и Красный Крест принимал непосредственное участие в оказании им помощи. С 2013 г. организация реализует проект «Поддержка людей с психическими заболеваниями», где основной упор сделан на содействие социальной интеграции людей с психическими заболеваниями. В рамках проекта создан социальный центр «День открытых дверей».

В ноябре 2017 г. Беларусь с рабочим визитом посетил президент Международного комитета Красного Креста П. Маурер для подписания соглашения об открытии в стране постоянного представительства Международного комитета Красного Креста (МККК). В ходе встречи с министром иностранных дел В. Макеем было подписано Соглашение о статусе, привилегиях и иммунитетах МККК в Беларуси, которое позволит Комитету учредить постоянное представительство МККК в Минске [16].

В 2010-х гг. БОКК реализует свои уставные цели в тесном сотрудничестве с государственными органами: министерствами здравоохранения, труда и социальной защиты, внутренних дел, образования, информации и по чрезвычайным ситуациям. Сотрудничество осуществляется для утвержденных планов в рамках подписанных договоров.

По состоянию на начало 2020 г. БОКК состоит из секретариата, 6 областных, Минской городской и Дорожной организаций, 158 районных (узловых) и 8399 первичных организаций. Членами БОКК являются 1 193 444 жителя Беларуси, что составляет 12,6 % населения страны. В организации работают 448 сотрудников и более 16 тыс. волонтеров.

Согласно Стратегии БОКК 2016–2020 работа разделена по следующим направлениям:

- распространение знаний о международном гуманитарном праве и Красном Кресте;
- подготовка и реагирование на чрезвычайные и кризисные ситуации;
- социальная помощь на дому, медицинский уход;
- адвокация интересов уязвимых и мобилизация сообществ;
- информирование и обучение;
- укрепление организационного потенциала БОКК [17].

В 2020 г., помимо основных направлений деятельности организации, определенных в соответствии со Стратегией 2016–2020 и планом работы на соответствующий год, БОКК принимало участие в борьбе с COVID-19 и помощи пострадавшим в результате протестов в Беларуси после президентских выборов.

Белорусский Красный Крест сумел адаптироваться к новым социально-экономическим условиям. Реализация вышеуказанных проектов повлияла на изменение имиджа БОКК. Если в начале 1990-х гг. организация воспринималась в первую очередь как источник гуманитарной помощи, то теперь спектр поддержки расширился за счет ухода, помощи специалистов и психологической поддержки, мобилизации сообществ и др.

Библиографические ссылки

1. *Колбанов В. В.* Вклад Белорусского Общества Красного креста в охрану здоровья и социальную поддержку населения // Мед. знания. 2011. № 3. С. 7–9.

2. Государственный архив Брестской области. Ф. 950. Д. 377. Л. 6.
3. Государственный архив Витебской области. Ф. 2889. Оп. 2. Д. 401. Л. 19.
4. Государственный архив Витебской области. Ф. 2889. Оп. 2. Д. 402. Л. 17.
5. Международная техническая помощь Республике Беларусь, 1997–1998. Минск : Белполиграф, 1998. С. 98.
6. Государственный архив Брестской области. Ф. 950. Д. 365. Л. 5.
7. Государственный архив Брестской области. Ф. 950. Д. 389. Л. 19–20.
8. Государственный архив Витебской области. Ф. 2889. Оп. 2. Д. 389. Л. 37.
9. О Белорусском Обществе Красного Креста [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 24 окт. 2000 г. № 437-З // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.
10. Об использовании и защите эмблем красного креста, красного полумесяца, красного кристалла, отличительных сигналов, а также наименований «красный крест», «красный полумесяц», «красный кристалл» [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 12 мая 2000 г. № 382-З // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.
11. Самусенко А. В. Красный Крест на Могилевщине. История и современность // Воен. медицина. 2008. № 1. С. 110.
12. Стратегический план развития Белорусского общества Красного Креста на 2004–2007 годы. Минск : [б. и.], 2004. С. 7–8.
13. Стратегический план развития Белорусского Общества Красного Креста на 2008–2011 годы. Минск : [б. и.], 2009. С. 5.
14. Государственный архив Витебской области. Ф. 2889. Оп. 2. Д. 440. Л. 24.
15. Новицкая Л. Ради детских улыбок // Рэспубліка. 2009. 24 июля. С. 6.
16. Президент. Рабочие поездки, визиты, встречи // Информ. бюл. Администрации Президента Респ. Беларусь. 2017. № 12. С. 31–34.
17. История Белорусского Общества Красного Креста [Электронный ресурс]. URL: <https://redcross.by/bokk-history/> (дата обращения: 21.08.2020).

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НЕВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И НАТО

О. С. Журавская

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, Минск, Республика Беларусь, 220030
zhuravskayavolha@mail.ru*

Рассматривается невоенное сотрудничество Республики Беларусь с НАТО. В качестве объекта исследования выступает реализация программы НАТО «Партнерство ради мира» (ПРМ) и ее невоенного компонента в Республике Беларусь. Цель статьи – оценка уровня участия Беларуси в невоенной деятельности ПРМ НАТО и результативности проводимых мероприятий в контексте взаимодействия с НАТО. Новизна материала заключается в выявлении значимости невоенного сотрудничества, взаимосвязи военного и невоенного направлений деятельности НАТО. Данная проблематика недостаточно изучена в белорусской историографии. Следует отметить высокую научную и практическую значимость и актуальность изучения вопроса. Проведенное исследование позволяет выявить особенности невоенного сотрудничества Республики Беларуси с НАТО, определить основные направления и оценить их важность для обеспечения безопасности государства.

Ключевые слова: Республика Беларусь; НАТО; Партнерство ради мира; Наука ради мира и безопасности; невоенное сотрудничество НАТО.

MAIN DIRECTIONS OF NATO NON-MILITARY COOPERATION WITH THE REPUBLIC OF BELARUS

O. S. Zhuravskaya

*Belarusian State University
Nezavisimosti av. 4, Minsk, Belarus, 220030
zhuravskayavolha@mail.ru*

The article deals with non-military cooperation of the Republic of Belarus with NATO. The research object is the implementation of the NATO Partnership for peace program and its non-military component in the Republic of Belarus. The purpose of this article is to assess the level of Belarus' participation in the

non – military activities of the NATO PFP and the effectiveness of its activities in the context of interaction with NATO. The novelty of the article is to identify the significance of non-military cooperation, the relationship between military and non-military activities of NATO. This problem is not sufficiently studied in the Belarusian historiography. It should be noted the high scientific and practical significance and relevance of the study of this issue. The practical significance of the study is that it allows us to identify the features of non-military cooperation between the Republic of Belarus and NATO, determine the main directions and assess their importance for ensuring the security of the state.

Keywords: Republic of Belarus; NATO; Partnership for Peace; Science for Peace and Security; NATO non-military cooperation.

Отношения Республики Беларусь и НАТО являются одним из направлений многовекторной политики государства, особенно в сфере построения единого и неделимого пространства трансатлантической безопасности. Тем не менее в белорусской историографии недостаточно исследований для полного освещения и понимания существующего состояния и перспектив развития данного сотрудничества. Имеются только отдельные публикации, посвященные формированию отношений в 90-е гг. XX в. и некоторым аспектам военного сотрудничества. Изучение невоенного направления требует повышенного внимания ввиду повышения роли НАТО в современной мировой политике. В российской историографии огромный интерес представляют три диссертационных исследования: Т. Г. Качаловой «Невоенные аспекты деятельности НАТО» 2002 г. [1], А. Л. Белоноговой «Политическое значение невоенного сотрудничества НАТО в глобализирующемся мире» 2006 г. [2], О. К. Петрович-Белкиной «Основные направления невоенной деятельности НАТО в 1991–2011 гг.» 2011 г. [3]. Необходимость исследования невоенной деятельности НАТО определена ролью альянса в европейской и мировой политике.

Следует отметить, что традиционное восприятие НАТО как основной организации в сфере коллективной обороны и безопасности в XXI в. изменилось: теперь Североатлантический альянс должен справляться с новыми угрозами и рисками более переменчивого и менее предсказуемого характера: распространение технологий производства ядерного и другого новейшего оружия, кибернападения на современные системы связи, рост неконтролируемой миграции, долгосрочные последствия от изменений климата, саботаж энергетических трубопроводов

и нарушение критически важных морских путей сообщения. Именно эффективная оборона от этих нетрадиционных угроз безопасности выходит на первый план и часто локализуется далеко за пределами территории Североатлантического альянса. В 2009–2010 гг. была проведена обширная аналитическая исследовательская работа Группы профессиональных экспертов по выявлению новых вызовов и угроз для НАТО и созданию новой Стратегической концепции [4]. Был сделан следующий вывод: ответом НАТО на терроризм, уязвимость кибернетического пространства, энергетическую безопасность и изменение климата будет использование новых потенциалов. В этом контексте важным шагом для НАТО стала реализация программ партнерства, основанных на ее стратегии сдерживания, потребности в военной трансформации, способности оперативно принимать решения и зависимости от помощи, оказываемой странами и организациями, не входящими в Североатлантический альянс. Выделены основные сферы невоенного сотрудничества: проблематика информации, науки и окружающей среды, гражданского чрезвычайного планирования, кризисного регулирования, акций гуманитарного характера, экономических и социальных реформ, а также консультаций по вопросам терроризма и распространения оружия массового уничтожения. Сотрудничество ведется и в ряде других областей, в частности в организации использования гражданского воздушного пространства, научно-технической сфере, вопросах природопользования и экологии, тыловом обеспечении, вопросах медицины, метеорологии и океанографии [4].

В качестве направлений невоенной деятельности НАТО в Республике Беларусь выделяют научное сотрудничество, сотрудничество в сфере экологических проблем (природоохранная деятельность, рациональное использование ресурсов, поддержание биологического разнообразия), гражданское чрезвычайное планирование, гуманитарное сотрудничество (в том числе медицинское обеспечение в ходе многонациональных операций по урегулированию кризисов и поставка грузов невоенного назначения). Основными органами, ответственными за реализацию программ, выступают: Международный Секретариат НАТО (International Secretariat); Евроатлантический центр реагирования на стихийные бедствия и катастрофы (the Euro-Atlantic Disaster Response Coordination Centre) (ЕЦРСБК), организующий учения для специалистов МЧС; Комитет НАТО по гражданскому чрезвычайному планированию в формате

СЕАП (The Civil Emergency Planning Committee); Группа по гражданской защите; Комитет по новым вызовам (Emerging Security Challenges Division), отвечающий за работу проекта «Наука ради мира и безопасности» [5; 6]. С белорусской стороны за разработку и реализацию программ сотрудничества отвечают соответствующие министерства и комитеты, а координирует всю работу Государственный секретариат Совета Безопасности.

Первым перспективным невоенным направлением является реализация программы «Наука ради мира и безопасности». По данным страновой брошюры о Беларуси в 2018–2019 гг. была продолжена работа по следующим проектам:

- исследование акустических многофункциональных компонентов звукопоглощающих материалов в целях снижения уровня шума электромагнитной радиации на уровне микроволн, изучения эффектов наночастиц в процессе потери звука (совместный проект с Болгарией);
- проведение исследований по взаимодействию света с веществом, семинаров по изучению теории и выполнение экспериментов по изучению оптических и физических характеристик (проект с США);
- изучение феномена нанoeлектромагнетизма, квантов и нанофотонов, организация рабочих семинаров (проект с США и Италией) [6].

Стоит отметить практическую сторону программы «Наука ради мира и безопасности», которая подразумевает изучение в Полесском государственном радиационно-экологическом заповеднике (Хойникский район) радиоактивного заражения: исследованы почвы, грунтовые воды, механизмы заражения. Работа ведется представителями Беларуси, Украины и Норвегии под контролем МЧС и Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды. В последние годы значительно укреплена материально-техническая база научных подразделений, получены современные радиоаналитические приборные комплексы. Во многом этому способствовали реализуемые международные научные проекты МАГАТЭ в рамках программ Союза Беларуси и России, научного комитета НАТО, Норвежского агентства по радиационной защите [7].

Второй важной сферой сотрудничества является участие белорусской делегации МЧС в международных учениях НАТО, проводимых под эгидой ЕЦРСБК: например, Армения-2010, Кодры-2011 в Молдове, Грузия-2012, Босния и Герцеговина-2017, Сербия-2018. В 2020 г. основная работа была направлена на борьбу с пандемией коронавируса [8].

Особо стоит отметить прохождение в штаб-квартире НАТО в Брюсселе командно-штабных учений Республики Беларусь и НАТО по теме «Ликвидация чрезвычайных ситуаций во время проведения международных спортивных мероприятий» (приурочены к чемпионату мира по хоккею в 2014 г. в Минске). В ходе учений были смоделированы три чрезвычайные ситуации, в которых белорусские специалисты представили детальные планы реагирования на них. Помимо организации и проведения аварийно-спасательных работ, экспертов интересовали вопросы межведомственного взаимодействия и информирования общественности (в т. ч. через социальные сети). Секретариат НАТО и представители международной общественности отметили высокий уровень подготовки белорусских специалистов. В ходе учений работники аварийно-спасательных служб России, Норвегии, Швеции, Украины поделились своим опытом обеспечения безопасности во время проведения международных спортивных мероприятий [9].

Проходят визиты группы экспертов командования ОВС НАТО, в ходе которых стороны обмениваются опытом в области планирования и организации медицинского обеспечения в рамках международных операций по урегулированию кризисов.

Таким образом, невоенное измерение деятельности НАТО получает все большую поддержку среди стран-партнеров альянса. Расширение функциональных возможностей НАТО позволяет активизировать сотрудничество и интенсифицировать диалог со странами Восточной Европы, Средиземноморья. С одной стороны, формируется новый, позитивно воспринимаемый обществом имидж альянса, с другой – страны-партнеры получают доступ к новым технологиям, инновациям, инвестициям. Республика Беларусь также получает выгоду от невоенного технического сотрудничества с НАТО, которое носит постоянный характер, несмотря на отсутствие частого политического диалога между сторонами на высшем уровне.

Библиографические ссылки

1. *Качалова Т. Г.* Невоенные аспекты деятельности НАТО: дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04. М., 2002. 145 с.

2. *Белоногов А. Л.* Политическое значение невоенного сотрудничества НАТО в глобализирующемся мире: дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04. СПб., 2006. 171 с.

3. *Петрович-Белкин О. К.* Основные направления невоенной деятельности НАТО в 1991–2011 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15. М., 2011. 209 с.
4. НАТО в 2020 году: Гарантированная безопасность, динамичное взаимодействие [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_63654.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 08.11.2020).
5. Структура НАТО [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nato.int/cps/en/natolive/structure.htm> (дата обращения: 08.11.2020).
6. Наука ради мира и безопасности 2019, Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nato.int/science/country-fliers/Belarus.pdf> (дата обращения: 08.11.2020).
7. Полесский государственный радиационно-экологический заповедник [Электронный ресурс]. URL: <http://ggcbs.gomel.by/templates/ggcbs/images/ecology/4125.pdf> (дата обращения: 08.11.2020).
8. Евроатлантический центр реагирования на стихийные бедствия и катастрофы [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_117757.htm (дата обращения: 08.11.2020).
9. Беларусь и НАТО провели учения по ликвидации ЧС во время проведения спортивных мероприятий [Электронный ресурс] // БелТА. URL: <https://www.belta.by/society/view/belarus-i-nato-proveli-uchenija-po-likvidatsii-chs-vo-vremja-provedenija-sportivnyh-meroprijatij-31672-2013> (дата обращения: 08.11.2020).

ОБЪЕДИНЕНИЕ ПРОТИВ ИНТЕГРАЦИИ: ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ В РАБОТАХ ИСТОРИКОВ ШКОЛЫ «СДЕРЖИВАНИЯ»

И. И. Ковяко

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, Минск, Республика Беларусь, 220030
klq2034@mail.ru*

Выявляются основные аспекты германской проблемы послевоенного десятилетия, которые вызвали особый научный интерес у британских и американских историков школы «сдерживания». В результате анализа широкого круга первоисточников установлены приоритетные направления исследования германского вопроса. Проработаны подходы представителей школы «сдерживания» к изучению основных аспектов проблемы. Определены особенности оценок и интерпретаций, предложенных британскими и американскими историками консервативного направления. Новизна исследования обусловлена отсутствием разработок по данной тематике на постсоветском пространстве и введением в научный оборот источников на языке оригинала. Полученные результаты могут быть использованы в процессе изучения англо-американской историографии, германской проблемы послевоенного времени, а также современной геополитики.

Ключевые слова: школа «сдерживания»; англо-американская историография; германский вопрос; нота Сталина; ремилитаризация Федеративной Республики Германия (ФРГ); западная интеграция; объединение Германии.

UNIFICATION VS. INTEGRATION: GERMAN QUESTION OF POST-WAR DECADE IN THE STUDIES OF “CONTAINMENT” SCHOOL HISTORIANS

I. I. Kaviaka

*Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, Minsk, Belarus, 220030
klq2034@mail.ru*

The purpose of the article is to identify the main aspects of the German problem in the post-war decade, which aroused special scientific interest among British and American historians of the “containment” school. As a result of primary sources analysis, the priority directions to the German question study established. The approaches of “containment” school representatives to the study of the main aspects of the problem analyzed. The assessments and interpretations proposed by British and American conservative historians determined. The novelty of the research is due to the lack of study on this topic in the post-Soviet area and the introduction into scientific circulation a wide range of sources in the original language. The results can be used in the study of Anglo-American historiography, the German problem of the post-war period, as well as modern geopolitics.

Keywords: “containment” school; Anglo-American historiography; German question; Stalin note; German rearmament; Western integration; German unification.

Концептуальные основы школы «сдерживания» в англо-американской исторической науке были сформированы во второй половине 40-х – начале 50-х гг. XX в. после выхода публикации американского дипломата и историка Дж. Кеннана «Истоки советского поведения» (1947 г.). В обстановке нарастающего отчуждения в отношениях между великими державами произошел пересмотр основ внешнеполитического курса США. Политика администрации Ф. Д. Рузвельта, направленная на поиск компромисса с СССР в деле послевоенного урегулирования, была признана ошибочной. Целью политики «сдерживания» провозглашалось предотвращение распространения коммунизма.

Представители школы «сдерживания» в англо-американской историографии концентрировались на исследовании международных отношений и внешней политики отдельных государств в эпоху холодной войны. После распада биполярной мировой структуры школа «сдерживания» не утратила своего значения. Жесткие оценки советской внешней политики, которые содержались в работах ее представителей, стали рассматриваться как стратегически правильный ориентир, позволивший США пройти через испытания холодной войны с наименьшими потерями и извлечь значительные дивиденды по ее завершении. Одним из крупнейших «трофеев» западного мира считалась объединенная Германия, присоединившаяся к НАТО и ЕС.

При анализе германского вопроса в 1945–1955 гг. исследователи главным образом уделяют внимание трем аспектам: проблеме репараций, советским мирным инициативам начала 1950-х гг. и перевооружению Западной Германии. Анализ данных аспектов показал, что они являлись ключевыми при принятии решения о будущем Германии. Германский вопрос послевоенного десятилетия может быть сведен к противопоставлению: объединение Германии или интеграция ФРГ в западные структуры? Очевидно, в период холодной войны одно исключало другое. Поскольку в 1955 г. окончательный выбор был сделан в пользу интеграции, у руководства западных стран появилась новая задача: уменьшить горечь национального раздела для своих немецких союзников, а также укрепить их веру в стратегический успех избранного пути. Школа «сдерживания» в рамках академической науки решала эту задачу по-своему.

Исследуя состояние германского вопроса в данный период, историки школы «сдерживания» исходят из того, что политика Ф. Д. Рузвельта в отношении СССР являлась ошибочной. Попытки разграничить военные и политические цели США в Европе на заключительном этапе войны, а также благоприятные для советской стороны решения Ялтинской конференции впоследствии способствовали возникновению и обострению германской проблемы. Проанализировав репарационную политику Москвы в зональный период, историки полагают, что германская политика СССР первоначально была основана на долгосрочном плане. К элементам советского планирования относят постепенное усиление коммунистического влияния в восточной зоне оккупации, углубление экономического кризиса в Германии, рост социальной напряженности и объединение оккупационных зон под властью левых политических сил. При подобном моделировании вся Германия должна была войти в советскую сферу влияния без прямого вмешательства СССР [1–3]. Однако создание единой Германии таким способом являлось абсолютно неприемлемым для западных государств. Исходя из этого, образование Бизонии, Тризонии, а затем и ФРГ становилось приоритетной задачей. Сохранение Германии как единого экономического целого не соответствовало целям западных союзников и с политической точки зрения представлялось слишком рискованным мероприятием.

Историки школы «сдерживания» также выражают уверенность в пропагандистском характере советских нот первой половины 50-х гг. XX в.,

которые предполагали создание единой нейтральной Германии. Особое внимание уделяется анализу ноты Сталина 1952 г. Учитывая высокую степень чувствительности немцев к предложениям подобного рода, их отклонение западными союзниками нуждалось в фундаментальном обосновании. Показательно, что данной проблеме в англо-американской историографии посвящено значительное количество статей, материалов конференций и круглых столов, подготовлены монографические исследования. Главной задачей советской дипломатии в указанный период исследователи называют срыв планов Запада по включению ФРГ в европейские и атлантические структуры и дальнейшее распространение советского влияния на континенте. В качестве основного аргумента представители консервативного подхода используют дату выработки и рассылки ноты (канун подписания комплекса документов о создании Европейского оборонительного сообщества с участием ФРГ). По их мнению, опыт четырехсторонних переговоров предшествовавших лет, активная антизападная риторика советских СМИ и холодный прием, оказанный Дж. Кеннану в Москве в мае 1952 г., также не свидетельствовали о серьезности намерений СССР пойти на компромисс в германском вопросе. Профессор Калифорнийского государственного университета Р. Раак считает очевидным, что уже с мая 1945 г., отказавшись от идеи расчленения Германии, Москва взяла курс на распространение советского влияния в западном направлении. Он отмечает, что И. В. Сталин, так же как и В. И. Ленин, всегда рассматривали германский фактор как важнейший в развитии внешнеполитического курса СССР [4]. Следовательно, главная цель ноты Сталина 1952 г. заключалась в том, чтобы предотвратить включение ФРГ в западные экономические и оборонительные структуры. Это, в свою очередь, привело бы к негативным последствиям для экономического развития и интеграции Европы, а также могло существенно ослабить потенциал Североатлантического альянса. Заманчивая для немцев перспектива объединения страны была противопоставлена планам европейской интеграции [5–9]. Несмотря на то что нота Сталина содержала идею единой Германии, Запад не считал цену слияния приемлемой. Основатели школы «сдерживания» отмечают опасный и непредсказуемый характер единой нейтральной Германии, которая могла попасть в сферу влияния СССР или вернуться к «тактике маятника» и попытаться играть на противоречиях Востока и Запада, провоцируя новую мировую войну [10–12].

Третьим аспектом германского вопроса, который относится к проблеме выбора между объединением и интеграцией, стала ремилитаризация ФРГ. Ее предпосылкой исследователи считают нестабильную международную ситуацию, непредсказуемый характер советской внешней политики и высокие риски усиления советской мощи в европейском и мировом масштабе. После чехословацкого кризиса 1948 г. и блокады Берлина США осознали необходимость укрепления европейского фронта «холодной войны». По утверждению американского историка, профессора Джорджтаунского университета У. Смайзера, в послевоенное время Великобритания традиционно отстранилась от решения европейских вопросов и была больше поглощена своими внутриэкономическими и колониальными проблемами. Франция и Италия находились под влиянием левых сил, а страны Бенилюкс были недостаточно сильны для формирования надежной военной опоры западного мира. В сложившейся ситуации американское руководство начало рассматривать ФРГ как наиболее подходящего союзника в борьбе с распространением советского влияния [13].

В работах представителей школы «сдерживания» проблема ремилитаризации ФРГ тесным образом связана с вопросом развития европейских интеграционных структур. Понимая опасения Великобритании и Франции по поводу возникновения новой немецкой угрозы, однако не разделяя их в полной мере, США выработали единственно правильную схему перевооружения ФРГ – через интеграцию западногерманского государства в европейские и атлантические структуры. Таким образом был создан надежный механизм контроля над немецким экономическим и военным потенциалом. Европейская интеграция усиливала взаимосвязь ФРГ с другими европейскими государствами, что делало открытый конфликт между ними нецелесообразным или невозможным в будущем. Вместе с тем она снижала опасения европейских государств в связи с перевооружением ФРГ и позволяла американской дипломатии достичь стратегической цели – усилить совокупную мощь влияния США на континенте. Историки школы «сдерживания» не выражают опасений в связи с возможным возрождением германского реваншизма. Напротив, они уверены в том, что ремилитаризация ФРГ и ее вступление в НАТО оказали стабилизирующее воздействие на всю систему европейских международных отношений и привели к «политической реабилитации ФРГ» [14–16].

Таким образом, школу «сдерживания» в англо-американской историографии можно соотнести с консервативным направлением в послевоенной исторической науке стран Запада. При изучении германской проблемы в послевоенное десятилетие историки уделяют особое внимание репарационной политике СССР, ноте Сталина 1952 г. и проекту ремилитаризации ФРГ. Каждый из этих эпизодов послевоенной истории Германии ставил вершителей ее судьбы – четверку держав-победителей – перед выбором: объединение или интеграция. Представители консервативного направления склонны рассматривать репарационную политику Москвы как составную часть плана по вовлечению всей Германии в советскую сферу влияния. Инициативы СССР по германскому вопросу 1952 г. представляются как тактический прием, направленный на срыв переговоров о включении ФРГ в европейские и атлантические интеграционные структуры. В результате исследования вопроса перевооружения Западной Германии авторы приходят к выводу, что это событие стало крупным успехом внешней политики и дипломатии США. Британский историк, член Королевского института международных исследований Д. Боттинг назвал его «мерилом американской победы и поражения СССР» [3, с. 313]. Ремилитаризация ФРГ позволила США значительно укрепить позиции в Европе и обрести нового надежного союзника в противостоянии с СССР. Таким образом, выбор в пользу западной интеграции при временном отказе от объединения страны представляется обоснованным и логичным. В заключение следует отметить, что среди последователей школы «сдерживания» преобладают американские историки. Подобная однозначность суждений в меньшей степени присуща представителям научного сообщества Великобритании.

Библиографические ссылки

1. *George A., Smoke R.* Deterrence in American foreign policy. N. Y., 1974. 666 p.
2. *Slusser R. M.* Soviet policy and the division of Germany, 1941–1945 // *The impact of World War II on the Soviet Union / ed. by S. J. Linz.* Irvine, 1985. P. 107–125.
3. *Botting D.* From the ruins of the Reich. Germany 1945–1949. N. Y., 1985. 341 p.
4. *Raack R. C.* Stalin plans his post-war Germany // *J. of Contemporary History.* 1993. Vol. 28. № 1. P. 56, 58.

5. *Banchoff T.* The German problem transformed: institutions, politics and foreign policy, 1945–1995. Michigan, 1999. 230 p.
6. *Cohen E.* Soviet foreign policy and West Germany // *Social Science*. 1957. Vol. 32. № 2. P. 90–95.
7. *Hanrieder W. F.* West German Foreign policy, 1949–1963. International pressure and domestic response. Stanford, 1967. 275 p.
8. *Hanrieder W. F., Graeme A.* The foreign policies of West Germany, France and Britain. N. Y., 1980. 314 p.
9. *Richardson J. L.* Germany and the Atlantic Alliance : The interaction of strategy and politics. Cambridge, 1966. 403 p.
10. *Judt T.* Postwar. A history of Europe since 1945. N. Y., 2005. 967 p.
11. *James H.* A German identity. N. Y., 1989. 240 p.
12. *Pritchard G.* The making of the GDR, 1945–53. From antifascism to Stalinism. Manchester, 2000. 244 p.
13. *Smyser W.* From Yalta to Berlin: The cold war struggle over Germany. N. Y., 1999. 465 p.
14. *Shake K.* NATO strategy and the German–American relationship // *The United States and Germany in the era of the cold war, 1945–1990*. Vol. 1 : 1945–1968. Washington, 2004. P. 233–239.
15. *Strang L.* Germany between East and West // *Foreign Affairs*. 1955. Vol. 33. № 3. P. 387–401.
16. *McGeehan R.* The German rearmament question. American diplomacy and European defense after World War II. Urbana, 1971. 280 p.

ТУРИСТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КНР В НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Лю Сянцян

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, Минск, Республика Беларусь, 220030
liuxiangqian2016@126.com*

Обосновывается интерес и обрисовываются основные направления работы китайских исследователей по проблеме туристической дипломатии Китайской Народной Республики (КНР). Цель исследования – характеристика и оценка состояния китайской историографии по указанному вопросу. Объект исследования – дипломатия КНР. Предмет исследования – туристическая дипломатия Китая в национальной историографии. Актуальность исследования – отсутствие комплексной работы по избранной тематике, отношения стратегического партнерства между КНР и Республикой Беларусь. Практическая значимость исследования – возможность использования его результатов в научной, педагогической и практической деятельности.

Ключевые слова: туристическая дипломатия; Китай; выездной туризм; инициатива «Один пояс, один путь»; историография.

CHINA'S TOURISM DIPLOMACY IN NATIONAL HISTORIOGRAPHY

Liu Xiangqian

*Belarusian State University
Niezavisimosti av., 4, Minsk, Belarus, 220030
liuxiangqian2016@126.com*

The author substantiates and characterizes the main areas of work of Chinese researchers on the problem of China's tourism diplomacy. The purpose of the study is to characterize and assess the state of Chinese historiography on this issue. The object of research is China's foreign policy. The subject of research is China's tourism diplomacy in national historiography. The relevance of the research – lack of comprehensive work on the selected topic; relations of strategic partnership between China and the Republic of Belarus. The practical significance of the research lies in the possibility of using its results in scientific, pedagogical and practical activities.

Keywords: tourist diplomacy; China; outbound tourism; the Belt and Road; historiography.

Мировая индустрия туризма стремительно развивается, в 2019 г. общий доход от нее составил 5,8 трлн долл. США, что эквивалентно 6,7 % мирового валового продукта [1]. Международный туризм постоянно находится в фокусе внимания научного сообщества, но исследователи обращают внимание на его экономические преимущества, игнорируя политические характеристики [2; 3]. По мнению автора, международный туризм включает не только экономический, но и политический, а также культурный аспекты, он глубоко интегрирован в международные отношения и является их компонентом.

Китай активно развивает туристические обмены с различными регионами и странами. В 2013 г. КНР заняла первое место в мире по числу выездных туристов, второе место – по их расходам. В январе 2015 г. на Национальной рабочей конференции по туризму была аргументирована концепция «туристической дипломатии». В своих решениях Конференция записала, что «индустрия туризма должна взять на себя инициативу работать, активно высказывать свое мнение и служить национальной дипломатии» [4]. По мнению автора, именно с этого времени начинается осознанная интеграция китайского туризма в «ортодоксальную дипломатию». В декабре 2016 г. Государственный совет опубликовал «13-й пятилетний план развития туризма», в котором предлагалось «полностью реализовать стратегию туристической дипломатии в новую эпоху», т. е. ее развитие стало рассматриваться как долгосрочная цель [5].

Согласно статистическим данным Министерства культуры и туризма Китая, рынок внутреннего и выездного туризма в 2019 г. стабильно рос. Число внутренних туристов составило более 6 млн человек, что на 8,4 % больше, чем в предыдущем году; число прибывающих туристов достигло 145 млн человек (+2,9 %), а выезжающих – 155 млн человек (+3,3 %); общий доход от туризма за год составил 6,63 трлн юаней (+11,1 %) [6]. Приведенная статистика подтверждает тезис о том, что китайский туризм становится важной частью мирового, а совокупность указанных обстоятельств стимулирует изучение его различных аспектов.

Исследования китайскими учеными «туристической дипломатии» в основном сосредоточены на ее концепции, целях и функциях. Известный китайский дипломат Ян Гнусу впервые использовал термин

«туристическая дипломатия» в статье о ее состоянии во время культурной революции. Он считает, что в то время целью развития туризма было расширение политического влияния, пропаганда опыта строительства социализма и получение свободно конвертируемой валюты [7]. Мэй И (Уханьский университет) высказывает мнение, что туристическая дипломатия оказывает заметное позитивное влияние на мировое развитие, играет все более заметную роль в сферах политического, экономического, культурного, имиджевого и других обменов между Китаем и зарубежными странами посредством «миролюбия, твердых шагов, широты взгляда, гибкости и темперамента» [8]. Туристическая дипломатия может не только усилить жесткую силу страны, но и разнообразить «мягкую силу», создать благоприятную внешнюю среду для мирного развития Китая [8]. Чжэн Янь (Государственное управление по делам туризма) подчеркивает, что туристическая дипломатия, в отличие от традиционной, имеет определенную степень неформальности и ярко выраженный народный колорит [9]. Профессор Ван Синбинь (Второй Пекинский институт иностранных языков) отмечает, что туристическая дипломатия «более мягкая и живая», чем классическая. Когда двусторонние отношения хорошие, туризм может стать стимулом для дальнейшего развития, но когда они не являются «гладкими», туристические обмены рекомендуется использовать в качестве смазки [10].

Китайские ученые обсуждают также уровни, характеристики и проблемы туристической дипломатии. Доцент Ли Фэй (Пекинский объединенный университет) проводит теоретический анализ и исследует практику, атрибуты и функции туристической дипломатии в глобальном контексте, выделяя три уровня: официальный, полуофициальный и народный [11]. Ян Ци (Хайнаньский университет) считает, что туристическая дипломатия является мягкой формой внешней стратегии страны, реализуемой правительством, предприятиями, неправительственными организациями и отдельными лицами [12]. Доцент Ян Цзиньсонг (Китайский научно-исследовательский институт туризма) проанализировал текущие проблемы туристической дипломатии (недостаточное участие в международном сотрудничестве, малочисленность инициатив, отсутствие среднесрочных и долгосрочных стратегий развития) и предложил рекомендации по их решению [13]. Профессор Чжан Инь (Центральный университет национальностей) проанализировал различные подходы

к определению традиционной, публичной, гражданской, культурной, туристической дипломатии, исходя из четырех критериев: профессионализм, политика, гласность и критика [14]. Профессор Ся Цзечан (Китайская академия социальных наук) считает, что туристическая дипломатия – это новая сила в дипломатии КНР и беспроигрышная стратегия улучшения условий жизни людей [15].

Китайские ученые подчеркивают важную роль туристической дипломатии в продвижении инициативы «Один пояс, один путь». Цзинь Тао считает, что развитие туристической дипломатии имеет следующие тенденции и характеристики: масштабы туристических обменов и сотрудничества продолжают расширяться, государственный механизм сотрудничества и обмена в сфере туризма становится все более совершенным; ведущая роль туризма в реализации инициативы «Один пояс, один путь» становится все более очевидной. Он – связующее звено между населением стран, расположенных вдоль этого маршрута [16]. Доцент Чжао Чжэньюань (Юго-Восточный университет) считает, что туристическая деятельность хотя и ограничивается политическими и экономическими отношениями между странами, но в определенной степени независима. Туристическая дипломатия может стать «дружественным послом», чтобы ослабить региональную напряженность и укрепить политическое и экономическое сотрудничество. В рамках инициативы «Один пояс, один путь» туризм имеет большое значение для распространения культуры КНР и поиска международного признания [17]. Доцент У Лиюнь (Китайский научно-исследовательский институт туризма) проанализировал проблемы, с которыми сталкивается туристическая дипломатия в рамках данной инициативы (непонимание инициативы со стороны международного сообщества, сложности с выбором туризма в качестве дипломатического средства, риски безопасности). Для их преодоления автор предложил использовать многостороннюю дипломатию, оптимизацию сотрудничества, разработку и принятие дифференцированных стратегий развития туризма [18]. Шу Гуанмэй (Гуанчжоуский университет коммерции) считает, что при проектировании высшего и высокого уровней туристической дипломатии необходимо в полной мере задействовать Всекитайское собрание народных представителей и соответствующие государственные ведомства, определить стратегии развития и укрепить управление [19]. Взяв в качестве примера Внутреннюю Монголию, Чжан Ци предложил меры, которые этот автономный

район в КНР должен предпринять при построении своей системы туристической дипломатии в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [20]. Хуан Сюэин считает, что туризм как «открытая и всеобъемлющая отрасль» имеет естественные преимущества в укреплении взаимосвязи стран и регионов вдоль «Одного пояса, одного пути» [21].

Исследователи КНР обосновывают важность туристической дипломатии на примере конкретных регионов или событий. Профессор Пань Синьсинь (Национальный Тайваньский университет) считает, что рост туристических обменов между материковой частью КНР и Тайванем укрепил взаимопонимание и поспособствовал мирному развитию по обе стороны пролива [22]. Го Хуэйдань (Ляонинский институт внешней экономики и торговли) в качестве примера, рассматривая сотрудничество между регионом Далянь Китая и Россией, высоко оценивает перспективы туристической дипломатии, которая приносит не только экономическую прибыль, но и знакомит со страной и нацией, дает КНР возможность проявить мягкую дипломатическую силу [23]. Кандидат экономических наук Ван Пэнфэй (Китайская академия социальных наук) на примере «Арбитража Южно-Китайского моря» и инцидента «ТНААД» (мобильный противоракетный комплекс дальнего перехвата) обсудил функции «ускорителя» и «стабилизатора» туристической дипломатии [24]. Доцент Ху Минь (Синьцзянский сельскохозяйственный университет) утверждает, что дипломатия туризма может укрепить культурные обмены между Китаем и Пакистаном, углубить и расширить знания о культурной самобытности населения этих стран, оказать помощь в строительстве экономического коридора Китай – Пакистан [25]. Профессор Чжан Инь проанализировал развитие туристической дипломатии КНР с Кыргызстаном и положительно оценил ее перспективы, выдвинул предложения по преодолению имеющихся проблем и повышению эффективности индустрии туризма [26]. Изучив китайско-российские туристические обмены, кандидат исторических наук Ма Юцзюнь (Хэйлунцзянская академия социальных наук) констатирует, что существует феномен «горячее вверху и холодное внизу, горячее в политике и холодное в экономике, горячее в центре и холодное на местах». Он считает, что необходимо наращивать туристические обмены и повышать уровень неправительственных [27].

Внимание китайских ученых также привлекает взаимосвязь между туристической дипломатией и национальным имиджем. Профес-

сор Цзоу Тонянь (Второй Пекинский институт иностранных языков) считает, что туристическая дипломатия является важным средством распространения положительного имиджа страны, эффективного экспортирования экономических выгод, усиления культурного аспекта мягкой силы [28]. Лю Юэ (Бо Хай университет) отмечает такие аспекты «туристической дипломатии», как «выход за границу» и «привлечение зарубежного», а также выделяет следующие ее формы: выезд и въезд туристов, обмен визитами управленцев, организация и участие в международных конференциях, туристических фестивалях и других мероприятиях [29].

Предметом исследований также являются интерактивные отношения между туристической дипломатией и международным туризмом. Профессор Дай Бинь, Цзян Ии (Китайский научно-исследовательский институт туризма) и другие эксперты пришли к выводу, что развитие выездного туризма оказало положительное влияние на общую дипломатическую структуру и сформировало туристическую политику с китайскими особенностями [30]. Профессор Сюй Хунган (Чжуншаньский университет) предлагает посредством туристических виз, культурных мероприятий, иностранной помощи, международного сотрудничества усилить мягкую силу китайской культуры [31]. Доцент Чжэн Чжуньюй (Харбинский технологический институт) под «социализацией туризма» подразумевает его превращение в повседневный образ жизни китайцев. Выходя за рамки экономики, туризм охватывает и другие сферы общественной жизни, помогает распространять культурные знания и углублять взаимопонимание между народами, что имеет большое значение для укрепления глобальной безопасности [32].

Таким образом, внимание китайских исследователей туристической дипломатии в основном сосредоточено на изучении его концепции и природы, взаимосвязи туризма с инициативой «Один пояс, один путь», влияния на национальный имидж, развития международного туризма.

Несмотря на комплексность, исследования значительно отстают от современного развития мирового туризма и требуют более глубокого научного осмысления и обсуждения. Интерес представляет изучение институциональных основ и условий развития туристической дипломатии Китая, ее региональных направлений, результатов и проблем участия в многосторонней дипломатии, влияние инициативы «Один пояс, один путь».

Библиографические ссылки

1. WTCF: выпуск отчета о тенденциях в мировой экономике туризма 2020 [Электронный ресурс] // World Tourism Cites Federation. URL: <https://cn.wtcf.org.cn/special/2020/0110/4988.html> (дата обращения: 03.10.2020).

2. 谢彦君. 文旅融合背景下海南国际旅游消费中心的定位问题 / 谢彦君 // 旅游学刊. 2019. 第1期. 第12–22页 = Се Яньцзюнь Вэй Иньдун. Позиционирование Хайнаньского международного туристического центра потребления на фоне интеграции культуры и туризма // Академический журнал туризма. 2019. № 1. С. 12–22. (на кит. яз)

3. 刘俊. 国际旅游研究趋势特点与规律:基于1985-2015年Web of Science 收录文献的分析 / 刘俊 // 旅游学刊. 2019. 第3期. 第125–133页. = Лю Цзюнь Рен Зевэй. Характеристики и закономерности тенденций в международных исследованиях туризма: на основе анализа документов, собранных Web of Science с 1985 по 2015 гг. // Академический журнал туризма. 2019. № 3. С. 125–133. (на кит. яз)

4. 李金早: 开辟新常态下中国旅游业发展的新天地 [电子信息] // 人民日报. 存取方式: <http://travel.people.com.cn/n/2015/0127/c41570-26459122.html>. 存取时间: 24.10.2020 = Ли Цзиньцао: создание новых условий для развития туризма в Китае в условиях новой нормальной ситуации [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао онлайн. URL: <http://travel.people.com.cn/n/2015/0127/c41570-26459122.html> (дата обращения: 24.10.2020). (на кит. яз.)

5. 国务院关于印发“十三五”旅游业发展规划的通知 [电子信息] // 中国中央人民政府. 存取方式: http://www.gov.cn/gongbao/content/2017/content_5160220.htm. 存取时间: 24.10.2020 = Уведомление Госсовета КНР о выпуске 13-го пятилетнего плана развития туризма [Электронный ресурс] // Правительство КНР. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2017/content_5160220.htm (дата обращения: 24.10.2020). (на кит. яз.)

6. 中华人民共和国文化和旅游部2021年文化和旅游发展统计公报 [电子信息] // 中国文化和旅游部. 存取方式: https://zwgk.mct.gov.cn/zfxxgkml/tjxx/202206/t20220629_934328.html. – 存取时间: 05.06.2023. = Статистическое коммюнике Министерства культуры и туризма КНР по развитию культуры и туризма за 2021 год [Электронный ресурс] // Министерство культуры и туризма КНР. URL: https://zwgk.mct.gov.cn/zfxxgkml/tjxx/202206/t20220629_934328.html (дата обращения: 05.06.2023). (на кит. яз.)

7. 杨公素. 回忆“文革”时期的旅游外交 // 国际政治研究. 1994. 第3期. 第50–56页 = Ян Гунсу. Вспоминая дипломатию туризма во время культурной революции // Международные политические исследования. 1994. № 2. С. 50–56. (на кит. яз)

8. 梅毅. 旅游外交与中国和平发展 / 梅毅 // 武汉: 武汉大学. 2006. 166页.
Мэй И. Туристическая дипломатия и мирное развитие Китая. : дис. ... канд.
ист. наук. 2006. 166 л.
9. 郑岩. 旅游外交: 国家外交新领域新亮点 // 学习时报. 2015. 7月23日. 第
8页. = Чжэн Янь. Туристическая дипломатия: новые моменты в новой области
национальной дипломатии // Сюэси шибао. 2015. 23 июля. С. 8. (на кит. яз.)
10. 王兴斌. 让“旅游外交”成一大亮点 // 中国旅游报. 2015. 5月25日. 第4
页. = Ван Синбинь. Сделать «туристическую дипломатию» основным направ-
лением // Новости туризма Китая. 2015. 25 мая. С. 4. (на кит. яз.)
11. 李飞. 论旅游外交: 层次、属性和功能 // 旅游学刊. 2019. 第3期. 第
113–124页. = Ли Фэй. Обсудите уровни, атрибуты и функции туристической
дипломатии // Академ. журн. туризма. 2019. № 3. С. 113–124. (на кит. яз.)
12. 杨琦. 旅游外交: 从外交边缘正走向外交中心 // 经济师. 2019. 第3期.
第15–17页. = Ян Ци. Туристическая дипломатия: от периферии дипломатии
к центру дипломатии // Экономист. 2019. № 3. С. 15–17. (на кит. яз.)
13. 杨劲松. 旅游外交内涵辨析, 当前问题分析和提升建议 / 杨劲松 // 中
国旅游评论. – 2020. – 第2期. – 第126–135页. = Ян Цзиньсонг. Анализ кон-
нотации туристической дипломатии, анализ текущих вопросов и предло-
жения по улучшению / Ян Цзиньсонг // Обзор туризма Китая. 2020. № 2.
С. 126–135. (на кит. яз.)
14. 张瑛. 新时代大国特色外交视野下旅游外交研究 / 张瑛, 刘建峰 // 思
想战线. 2018. 第4期. 第162–170页. = Чжан Инь Лю Цзяньфэн. Исследова-
ния туристической дипломатии с точки зрения дипломатии крупных держав
в новую эру // Идеолог. фронт. 2018. № 4. С. 162–170. (на кит. яз.)
15. 夏杰长, 顾方哲. 习近平关于旅游业重要论述的理论内涵与实践指引 //
学习与探索. 2020. 第4期. 第122–129页. = Ся Цзечан, Гу Фанчжэ. Теорети-
ческий смысл и практические рекомендации важных заявлений Си Цзиньпи-
на о туризме // Идеолог. фронт. 2020. № 4. С. 122–129. (на кит. яз.)
16. 金涛. “一带一路”背景下的旅游外交 // 中国旅游报. 2017. 10月24日.
第3页. = Цзинь Тао. Туристическая дипломатия в контексте ОПОП // Ново-
сти туризма Китая. 2015. 24 октября. С. 3. (на кит. яз.)
17. 赵政原. “一带一路”背景下跨国旅游合作的国际政治经济学分析 // 文
化产业研究. 2018. 第2期. 第187–199页. Чжао Чжэньюань. Международный
политико-экономический анализ транснационального сотрудничества в сфе-
ре туризма на фоне концепции ОПОП // Исследования индустрии культуры.
2018. № 2. С. 187–199. (на кит. яз.)
18. 吴丽云. 中国“一带一路”旅游外交的挑战与应对策略 // 旅游导刊. 2018.
第5期. 第85–89页. = У Лиюнь. Вызовы и контрмеры китайской туристической
дипломатии ОПОП // Путеводитель по туризму. 2018. № 5. С. 85–89. (на кит. яз.)

19. 舒光美. “一带一路”背景下我国旅游外交管理顶层设计研究 / 舒光美 // 旅游管理研究. 2019. 第4期. 第44–46页. = Шу Гуанмей. Исследование высшего уровня управления туристической дипломатией Китая в рамках проекта ОПОП // Исследования в области управления туризмом. 2019. № 4. С. 44–46. (на кит. яз.)

20. 张琦. “一带一路”倡议视角下构建内蒙古旅游外交体系 / 张琦 // 旅游纵览月刊. 2018. 第6期. 第117页. = Чжан Ци. Построение системы дипломатии туризма Внутренней Монголии с точки зрения инициативы ОПОП // Ежемесячный обзор путешествия. 2018. № 6. С. 117. (на кит. яз.)

21. 黄雪莹. “一带一路”倡议框架下的旅游外交 / 黄雪莹 // 中国旅游报. 2017. 10月3日. 第3页. = Хуан Сюэин. Туристическая дипломатия в рамках инициативы ОПОП // Новости туризма Китая. 2017. 3 октября. С. 3. (на кит. яз.)

22. *Pan H. H., Wu W. C.* Does cross-Strait tourism induce peace? Evidence from survey data on Chinese tourists and non-tourists, *International Relations of the Asia-Pacific*, 20(1):149–181.

23. 郭慧丹. 旅游外交视角下大连与俄罗斯旅游合作研究 / 郭慧丹 // 现代经济信息. 2019. 第18期. 第322–323, 326页. = Го Хуэйдань, Сунь Ин. Исследование сотрудничества в сфере туризма в Даляне и России с точки зрения туристической дипломатии // Современ. эконом. информация. 2019. № 18. С. 322–323, 326. (на кит. яз.)

24. 王鹏飞, 魏翔. 旅游外交与构建我国新型国家关系问题探析 // 现代管理科学. 2017. 第12期. 第109–111页. = Ван Пэнфэй, Вэй Сян. Туристическая дипломатия и построение нового типа государственных отношений в Китае // Современная наука управления. 2017. № 12. С. 109–111. (на кит. яз.)

25. 胡敏. 以旅游外交助力中巴经济走廊的心理认同 // 新疆社会科学. 2019. 第6期. 第79–82页. = Ху Минь. Содействие психологической идентификации китайско-пакистанский экономический коридор с туристической дипломатией // Социальные науки Синьцзяна. 2016. № 6. С. 79–82. (на кит. яз.)

26. 张瑛, 刘建峰. 中国开展吉尔吉斯斯坦旅游外交的战略思想及路径选择 // 中央民族大学学报(哲学社会科学版). 2018. 第4期. 第54–61页. = Чжан Ин, Лю Цзяньфэн. Стратегическое мышление и выбор пути развития туристической дипломатии Кыргызстана в Китае // Журнал Китайского университета Миньцзу (издание по философии и социальным наукам). 2018. № 4. С. 54–61. (на кит. яз.)

27. 马友君. 中俄民间外交发展的思路与对策研究 // 西伯利亚研究. 2017. 第6期. 第9–11页. = Ма Юцзюнь. Исследование мыслей и мер противодействия развитию китайско-российской неправительственной дипломатии // Сибирские исследования. 2017. № 6. С. 9–11. (на кит. яз.)

28. 邹统钎, 胡莹. 旅游外交与国家形象传播 // 对外传播. 2016. 第5期. 第22–24页. = Цзоу Тунлюо, Ху Инь. Туристическая дипломатия и общенациональная имидж-коммуникация // Сибирские исследования. 2016. № 5. С. 22–24. (на кит. яз.)

29. 刘玥. 旅游外交与中国国家旅游形象传播 // 农家参谋. 2017. 第15期. 第239–240页. = Лю Юэ. Туристическая дипломатия и распространение национального туристического имиджа Китая // Персонал фермы. 2017. № 15. С. 239–240. (на кит. яз.)

30. China's outbound tourism e Stages, policies and choices, *Tourism Management [Electronic resource]* / Dai B. [et al.] URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.tourman> (date of access: 03.09.2016).

31. *Honggang Xu, Ke Wang, Young Mi Song*. Chinese outbound tourism and soft power [Electronic resource]. *J. of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*. URL: <http://0.1080/19407963.2018.1505105> (date of access: 10.02.2020).

32. 郑中玉. 旅游的社会化与社会的旅游化: 作为新常态的旅游社会 // 社会科学战线. 2020. 第4期. 第221–230页. = Чжэн Чжуньюй. Социализация туризма и туристическая деятельность общества: туристическое общество как новая норма // Фронт социальных наук. 2020. № 4. С. 221–230. (на кит. яз.)

КРИТЕРИИ ПРИЕМЛЕМОСТИ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯС – ПУТЬ» ДЛЯ СТРАН АФРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА

Ю. И. Малевич

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, Минск, Республика Беларусь, 220030
malejill@rambler.ru*

Чжан Юйлин

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, Минск, Республика Беларусь, 220030*

Рассмотрены новейшие подходы и стратегии Китайской Народной Республики (КНР) к практическому осуществлению внешнеполитической инициативы «Пояс – Путь» (ИПП) на африканском континенте. Описаны основные пути реализации инициативы в рамках вовлечения стран континента в построение общества «единой судьбы человечества». Доказывается, что всеобъемлющая возможность вовлечения африканских стран в процесс реализации инициативы в будущем приведет их к экономическому и технологическому росту, что повлечет активные преобразования в социальной сфере, а также достижение целей, задекларированных в «Повестке дня до 2063 г.».

Ключевые слова: Китай; страны Африки; инициатива «Пояс – Путь»; внешняя политика; экономическое развитие.

ELIGIBILITY CRITERIA OF THE BELT AND ROAD INITIATIVE FOR THE FOR THE AFRICAN CONTINENT COUNTRIES

Y. I. Malevich

*Belarusian State University
Niezavisimosti av., 4, Minsk, Belarus, 220030
malejill@rambler.ru*

Chzhang Yu Lin

*Belarusian State University
Niezavisimosti av., 4, Minsk, Belarus, 220030*

The newest approaches and strategies of the People's Republic of China to the practical implementation of the Belt and Road foreign policy initiative (BRI) on the African continent are considered. The main ways of implementing the BRI are described within the framework of involving the countries of the continent in building a society of "the common destiny of mankind". It is proved that the comprehensive opportunity to involve African countries in the implementation of the initiative will lead them in the future to economic and technological growth, which will entail active transformations in the social sphere, as well as the achievement of the goals declared in the "Agenda 2063".

Keywords: China; African countries; Belt and Road Initiative; foreign policy; economic development.

В современных научных исследованиях наблюдается огромный все-сторонний интерес к изучению и тщательному анализу внешней политики Китая. После объявления китайскими руководителями в 2013 г. о начале проекта «Шелкового Пути» прошло достаточно времени для его теоретического осмысления. На данный момент совершенно четко прослеживается логика трансформации китайской политики «мягкой силы» через экономические проекты «Один пояс, один путь» во внешнеполитическую инициативу «Пояс – Путь», затрагивающую практически все континенты и сферы применения.

Республика Беларусь также вовлечена в осуществление ИПП в экономической, транспортно-логистической, политической и гуманитарной сферах. Нашей стране присущи некоторые специфические особенности в реализации двусторонних отношений с КНР, но это не означает отрицания опыта других стран по формированию концепций китайского вектора внешней политики. В этом случае показательным является опыт весьма длительного сотрудничества КНР со странами африканского континента, и его тщательный анализ с дальнейшей возможностью практического использования.

В период после 2018 г. Си Цзиньпин неоднократно подтверждал необходимость дальнейшего развития инициативы «Пояс – Путь» [1], констатируя, что усилия в данном направлении позволят достичь существенного экономического и социального эффекта. Африка в данных планах Пекина занимает важное место как площадка апробирования новых подходов и методов. Тем более что, в отличие от других регионов мира, страны континента не только не противостоят инициативе, но и приветствуют ее реализацию.

Приведем некоторые концептуальные особенности, объясняющие потенциальную заинтересованность африканских стран во внешнеполитическом сотрудничестве с Китаем в рамках ИПП [2].

Инициатива «Пояс – Путь» направлена на создание открытой платформы сотрудничества, что, в свою очередь, свидетельствует о готовности Китая взять на себя еще больше обязательств. Первоначальным желанием выдвинутой Китаем инициативы было развитие сотрудничества, что совпадает с общей потребностью участвующих в ИПП стран. Любая африканская страна, признающая эту стратегию и желающая присоединиться к ней, может подключиться в любое время. Стратегия чутко реагирует на обстоятельства, поэтому предполагается, что все страны Африки получают от инициативы шанс на развитие.

За последние 40 лет в реформах и открытости в экономике, политике, обществе, культуре КНР произошли всесторонние изменения, уровень жизни народа обозримо повысился. Китайская экономика стала второй по величине экономикой мира. Однако долгое время внешние источники подчеркивали, что КНР «длительный срок находится на начальной стадии социализма», ему было определено место «крупнейшей развивающейся страны мира» [3], зарубежные СМИ указывали на его нежелание брать на себя большую глобальную ответственность, что в крайней степени негативно отразилось на образе страны. В действительности более активным участием в международных делах, принятием на себя большой международной ответственности Китай может мощно продемонстрировать африканским странам образ экономически сильного и политически ответственного государства.

Выдвижение инициативы было направлено именно на демонстрацию «китайской ответственности». Китай, являясь инициатором ИПП и выступая главным источником средств Фонда Шелкового пути, неоднократно заявлял, что «не претендует на доминирующее положение» в Африке [4, с. 42]. Начиная инициативу, Китай предоставил историческую ретроспективу и с помощью древнего «Шелкового пути» декларировал возможности современного гармоничного развития на его основе. Китай всеми силами старается устранить опасения африканских стран, вызываемые теорией «китайской угрозы». Все это показывает желание державы еще больше участвовать в международных делах и брать на себя еще больше международной ответственности в регионе. Инициатива «Пояс – Путь» демонстрирует африканским странам и миру образ

сильного и ответственного Китая, перестраивает его восприятие в мире и место страны в нем, тем самым еще более эффективно стимулирует взаимное сотрудничество и взаимные обмены.

Инициатива позволит африканским странам получать от Китая его модель развития экономики и дивиденды от инвестиций. Экономика многих стран Африки до сих пор преодолевает последствия мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., что связано с ограниченностью ресурсов для восстановления, технологической отсталостью, зависимостью от климатических условий и сельского хозяйства. В условиях неустойчивого экономического развития страны Африки объективно не имеют возможности инвестировать значительные ресурсы в развитие социальной инфраструктуры, жилищно-коммунального хозяйства, транспортной системы, что в свою очередь создает угрозы для технологического развития континента в долгосрочной перспективе. В свою очередь Китай демонстрирует возможности стремительного развития в строительстве инфраструктуры, логистических цепочек, высокоскоростных железных дорог и в прочих сферах, которые становятся новыми точками роста для внешних инвестиций Китая [5].

Кроме транспортной сферы высокоскоростных железных дорог Китай имеет возможность обеспечить взаимный обмен со странами Африки в таких сферах, как ядерная энергетика, высокотехнологическое оборудование, строительные материалы, производственные линии. В рамках ИПП Китай создает возможности для устойчивого развития экономики африканских стран, прагматично предоставляет новую модель построения национального хозяйства, отличную от либерального порядка, доказавшего свою малоэффективность в условиях Африки. Соответственно, «инициатива станет новым мостом, связывающим Китай со всем миром, позволит миру получить китайскую модель и китайские дивиденды» [1].

Инициатива «Пояс – Путь» выстраивает новые стабильные мировые связи, включая экономики стран Африки и других регионов мира, в одну платформу. По мере возникновения экономического кризиса и столкновения глобальной экономики с периодом преобразования и перестройки во многих странах, являющихся рынками сбыта для государств Африки, наблюдаются усиливающиеся тенденции протекционизма. При одновременном сосредоточении на своей экономике и своих интересах развитые страны проявили сознательное уклонение от ответственности за развитие глобальной экономики. Однако глобали-

зация мировой экономики по-прежнему имеет тенденцию к развитию. Инициатива способствует разрушению стереотипного мышления «взваливать свои трудности на другого», предоставляет глобальному экономическому сотрудничеству новую диверсифицированную платформу. Все страны Африки независимо от своего размера, уровня развития и удаленности до Китая будут вовлечены в инициативу для того, чтобы иметь возможность хотя бы минимально воспользоваться своими традиционно существующими преимуществами и создать новую модель взаимовыгодного международного экономического сотрудничества как на континентальном, так и на глобальном уровнях.

В 2017 г. на съезде КПК было заявлено, что ИПП присуще специфическое мышление «сообщества с единой судьбой» [6], которое будет и дальше способствовать глобальной экономической интеграции. В ее рамках различные страны и международные организации предлагали собственные программы для стран Африки. Так, Африканский Союз в 2015 г. принял Повестку дня на период до 2063 г. «Африка, какой мы хотим ее видеть», ориентированную на будущее рамочную программу континента, в основе которой лежит исповедуемая Африканским Союзом концепция построения объединенной, процветающей и мирной Африки, управляемой собственными гражданами и выступающей в качестве динамичной силы на мировой арене [7]. Однако следует признать, что обозначенная Повестка дня в значительной степени носит декларативный характер и степень ее реализации вызывает обоснованные сомнения. В то же время, по мнению китайского руководства, если на нее экстраполировать ИПП, возможности для реализации Повестки дня до 2063 г. в значительной степени усилятся.

В сотрудничестве с Китаем заинтересовано созданное в 2001 г. Новое партнерство по развитию Африки (НЕПАД), однако формирование интеграционных объединений в Африке в большинстве случаев не приносило должного эффекта из-за политической и экономической нестабильности. Вероятно, что влияние Китая способно существенно ускорить интеграционные процессы на континенте и создать условия для формирования единого африканского экономического пространства. В сравнении с соглашениями и инициативами, которые недвусмысленно исключают участие некоторых стран по политическим мотивам, ИПП в рамках открытости и всеобъемлемости имеет очевидные преимущества – предлагает отношения, включающие партнерство и ис-

ключающие конкуренцию. Являясь автором инициативы, Китай во все не ставит целью бороться за доминирование в Африке, а предлагает мышление «сообщества с единой судьбой», которое, по его мнению, будет способствовать глобальной экономической интеграции. Соответственно, формирование положительного имиджа КНР в странах Африки стимулирует заинтересованность руководства отдельных стран в проведении экономических реформ по китайской модели с учетом местных особенностей.

В то же время следует констатировать, что особую роль в успехе построения экономики с сильной ролью государства в Китае сыграла парадигма конфуцианства, в то время как африканские религии не позволяют автоматически перенести и внедрить китайский опыт. Следовательно, существует необходимость научного поиска для разработки типовых моделей проведения рыночных реформ для африканских стран, учитывающих китайский опыт, однако уровень развития гуманитарных и экономических наук во многих странах Африки недостаточен для самостоятельного проведения подобных исследований. Более перспективным видится проведение их в международных и китайских университетах и научных центрах с участием африканских специалистов, прошедших обучение за пределами своего континента.

Библиографические ссылки

1. China's new silk road gets off the mark [Electronic resource] // African business. URL: <http://africanbusinessmagazine.com/sectors/infrastructure/chinas-new-silk-road-gets-off-mark/> (date of access: 12.12.2019).

2. 王义桅. 一带一路: 中国崛起给世界带来什么? . 北京: 新世界出版社, 2017. 261 页. = Ван Ивэй. Один пояс, один путь: что несет миру подъем Китая? / Ивэй Ван. – Пекин : Издательство “Новый мир”, 2017. 261 с. (на кит. яз.)

3. 《新时代的中国与世界》白皮书（全文）[电子资源] // 中华人民共和国中央人民政府网 访问模式: 访问日期: 03.12.2019. = Белая книга «Китай и мир в новую эпоху» (полный текст) [Электронный ресурс] // сайт Центрального народного правительства Китайской Народной Республики. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2019-09/27/content_5433889.htm (дата обращения: 03.12.2019). (на кит. яз.)

4. 刘贵今. 中国在非洲的舆情变化和对非公共外交 // 公共外交季刊. 2012. 第4期. 41–46页 = Лю Гуйцзинь. Изменение общественного мнения Китая в Африке и публичная дипломатия в отношении Африки // Ежеквартальный сборник «Публичная дипломатия». 2012. № 4. С. 41–46. (на кит. яз.)

5. Бодрова О. И. Гуманитарная экспансия Китайской Народной Республики в период с 1978 г. до 2012 г.: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. Нижний Новгород, 2013. 21 с.

6. 习近平在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 (全文) [电子资源] // 中华人民共和国中央人民政府 = Доклад Си Цзиньпина на 19-м Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (полный текст) [Электронный ресурс] // сайт Центрального народного правительства Китайской Народной Республики. URL: https://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm (дата обращения: 21.11.2019). (на кит. яз.)

7. Экономическое и социальное развитие Африки [Электронный ресурс] // Официальный сайт Экономического и социального совета ООН. – Аддис-Абеба, 2018. URL: <http://www.regionalcommissions.org/ECASFr.pdf> (дата обращения: 12.09.2020).

ГУМАНИТАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

И. А. Мельников

*Республиканский институт китаеведения им. Конфуция БГУ
ул. Революционная, 11, Минск, Республика Беларусь, 220030
melnikovia@bsu.by*

Рассматриваются проблемы гуманитарной деятельности Российской Федерации в условиях начала пандемии COVID-19. Анализируются вопросы гуманитарного сотрудничества в контексте трансформации международных отношений, обращается внимание на необходимость появления новых политических лидеров.

Ключевые слова: COVID-19; Россия; гуманитарное сотрудничество; мировые лидеры.

HUMANITARIAN ACTIVITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION DURING THE COVID-19 PANDEMIC

I. A. Melnikov

*Republican Confucius Institute of Sinology at Belarusian State University
Revolutsionnaya str., 11, Minsk, Belarus, 220030
melnikovia@bsu.by*

The article deals with the problems of humanitarian activity of the Russian Federation in the context of the beginning of the COVID-19 pandemic. The author examines the issue of humanitarian cooperation in the context of the transformation of international relations, drawing attention to the need for the emergence of new political leaders. As soon as the problem of the first wave subsided, the second phase of the pandemic was already taken care of.

Keywords: COVID-19; Russia; humanitarian cooperation; world leaders.

Главной целью любого государства является достижение мирового признания, привитие уважения и гордости за страну и нацию. В этом может помочь его деятельность в сфере оказания гуманитарной помо-

щи нуждающимся, моральной поддержки населения любой страны, оказавшейся в тяжелых военных, экономических и политических условиях.

Существуют разные взгляды на то, что мотивирует государства оказывать международную гуманитарную помощь. Наиболее значимыми, выдвинутыми исследователем М. ван дер Веном, можно назвать безопасность, власть и влияние, экономический интерес, разумный эгоизм (создание глобальных общественных благ в конечном счете отвечает собственным интересам), репутацию, обязательство и долг, филантропию.

В настоящее время внимание мирового сообщества сосредоточено на ряде проблем, требующих коллективного участия. Вместе с тем вклад одной страны также может оказать заметное влияние на их разрешение. Согласно данным доклада заместителя Генерального секретаря ООН по гуманитарным вопросам и координатора чрезвычайной помощи М. Лоукока на 2020 г. организации потребуется около 29 млрд долл. США на гуманитарную деятельность учреждений системы ООН. Нуждается в помощи и Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), который напоминает о том, что каждый четвертый ребенок проживает в странах, пострадавших от конфликтов или стихийных бедствий. В целом в 2020 г. в гуманитарной помощи и защите нуждались 168 млн человек – рекордное число за все время существования организации (в 2019 г. это количество было на 22 млн меньше) [1].

Денежные средства в основном расходуются на обеспечение продовольствием, оказание медицинской помощи, предоставления палаток для беженцев и перемещенных лиц из пострадавших регионов.

Дети – основные жертвы современных войн. В 2018 г. были убиты и искалечены более 12 тыс. человек, в 2019 г. ситуация ухудшилась. Гражданские лица, в частности женщины и девочки, нередко сталкиваются с сексуальным и гендерным насилием и также нуждаются в помощи международного сообщества. Каждый пятый человек, живущий в зонах конфликта, из-за происходящих событий имеет проблемы с психическим здоровьем [1].

Терзающая население планеты в течении года пандемия COVID-19 возлагает еще большую ответственность за разрешение проблемы на страны-лидеры, среди которых и Россия.

Глава Всемирной продовольственной программы (ВПП) Д. Бисли в своем интервью от 22 августа 2020 г. в Риме сообщил о том, что в связи с пандемией коронавируса мир в ближайшее время ожидает голод

«библейских масштабов», а также то, что «все данные, которые есть на сегодня, включая прогноз ВПП о росте на 80 % числа людей, испытывающих недостаток в продовольствии, со 140 млн до пандемии к количеству около 270 млн человек уже до конца этого года, указывают на настоящую катастрофу».

По последним данным статистического бюро *Worldometers* в мире зарегистрировано более 23,1 млн случаев коронавируса, более 15,7 млн пациентов выздоровели, 803 тыс. человек умерло.

Д. Бисли подтвердил, что поддержка Российской Федерацией ВПП очень ощутима, в особенности в странах Центральной Азии, Латинской Америки и Африки. Поставки Россией своих грузовиков «КАМАЗ» для обеспечения транспортной составляющей всего проекта являются значительным вкладом в общее дело в вопросе решения продовольственной проблемы.

Глава Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Т. А. Гебрейесус говорит, что, основываясь на сравнении SARS-CoV-2 с испанским гриппом 1918–1920 гг., пандемия коронавируса завершится не менее чем через два года, так как у человечества есть недостаток в виде глобализации, но имеется преимущество в технологиях. Ученые всего мира в более чем 170 лабораториях в разных странах пытаются разработать вакцину против коронавируса. В июле ВОЗ сообщила, что шесть вакцин-кандидатов уже находятся в третьей фазе разработки – на решающем этапе исследования. Но даже если все необходимые процедуры максимально ускорить, новую вакцину, по данным той же ВОЗ, можно ожидать не ранее конца 2020 г., а еще вероятнее – в начале следующего. Между тем Президент Российской Федерации В. В. Путин 11 августа сообщил о регистрации первой российской вакцины от коронавируса [2].

Предложение Российской Федерацией мировому сообществу своей разработки сочетает в себе не только решение репутационных задач с поддержкой своих традиционных союзников, но и поднятие научного статуса государства. Вместе с тем эффективности этой деятельности сильно вредит закрытость информации и низкая координация между собой различных международных ведомств. Необходимо также помнить о естественных опасениях в отношении вакцины, которая еще не прошла все необходимые испытания.

Во время пандемии Россия, несмотря на всю сложность ситуации в стране, оказывала посильную помощь зарубежным странам. Поставка гуманитарного груза в США наряду с операцией Министерства обо-

роны Российской Федерации в Италии – наиболее заметные примеры российской поддержки других государств. С февраля 2020 г. Россия в разной форме предоставила антикоронавирусную помощь не менее 26 странам. Это и ближайшие соседи, страны – участники СНГ, за исключением Украины, а также Абхазия. Помимо Италии помощь оказана Сербии, Боснии и Герцеговине, США и Венесуэле, Китаю, Северной Корее и Монголии, Ирану, Сирии и Ливану, Алжиру, Гвинее, Демократической Республике Конго и Джибути.

Большинство государств получило помощь в форме медицинского оборудования и изделий. Основу помощи составили тест-системы, разработанные научным центром «Вектор», и средства индивидуальной защиты. В начале февраля Россия направила в Китай медицинские маски, перчатки, защитные очки, спецодежду и прочие средства в объеме около 23 т (2 млн 227 тыс. комплектов). Гражданам Италии, где было зафиксировано наибольшее количество случаев летального исхода во время первой волны пандемии, российской стороной было передано созданное российскими военными медиками терапевтическое отделение и отделение интенсивной терапии.

Отношение к помощи России было двояким. Можно даже сказать, что государства разделились на два лагеря: тех, кто выразил признательность России, и тех, кто усматривал в этой помощи тайный умысел. Так, помощь Италии и США можно интерпретировать с точки зрения получения дополнительных репутационных очков и наращивания влияния на международной арене. При этом нужно учитывать, что на момент принятия решения об оказании помощи ситуация в государствах-получателях воспринималась как наиболее тяжелая в мире. Помощь же странам – участникам СНГ может интерпретироваться еще и как исторический долг.

Таким образом, в современном мире подходы к гуманитарной помощи претерпели значительные изменения. Глубокая зависимость этой сферы от политической конъюнктуры позволяет сделать вывод о том, что уровень доверия между странами опустился до критического уровня. Даже в кризисных условиях руководство государств думает о причинах и последствиях принятия помощи, в которой они нуждаются. Факт наличия имиджевой составляющей в любой внешней акции государства не подлежит сомнению, и это касается не только Российской Федерации. Остается только выразить надежду, что мерилom ценностей в ближайшем будущем станут люди, которые нуждаются в неотложной помощи, а не политические интересы.

Библиографические ссылки

1. Доклад заместителя Генерального секретаря ООН М. Локока 4 дек. 2019 г. [Электронный ресурс] // Центр новостей ООН. URL: www.dw.com/ru/a-51526006/ (дата обращения: 10.03.2020).

2. Доклад Генерального директора ВОЗ Т. Адхана на заседании ВОЗ 21 авг. 2020 г. [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/director-general/speeches/6/> (дата обращения: 27.08.2020).

О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ПОДХОДЕ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

С. Ф. Свилас

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, Минск, Республика Беларусь, 220030
svilas@tut.by*

Выявляется сущность междисциплинарного подхода и его применение в международных исследованиях. Объект исследования – методология международных исследований. Предмет исследования – междисциплинарный подход в изучении международных отношений. Цель исследования – охарактеризовать основные интерпретации междисциплинарности, определить ее достоинства, проблемы, признаки, привести примеры использования. Практическая значимость исследования заключается в возможности его применения в учебной и научной работе.

Ключевые слова: междисциплинарность; научная дисциплина; междисциплинарные исследования; научный метод; методология; научный термин; антропология международных отношений.

ON THE INTERDISCIPLINARY APPROACH IN INTERNATIONAL RESEARCH

S. F. Svilas

*Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, Minsk, Belarus, 220030
svilas@tut.by*

The article reveals the essence of the interdisciplinary approach and its application in international research. The object of research is the methodology of international research. The subject of the research is an interdisciplinary approach to the study of international relations. The purpose of the research is to characterize the main interpretations of interdisciplinarity, to determine its advantages, problems, features and to give examples of its use. The practical significance of the research lies in the possibility of its use in educational and scientific work. The article examines the gender approach of Russian researchers to the study of international relations, substantiates its interdisciplinary nature and identifies the main research centers.

Keywords: interdisciplinarity; scientific discipline; interdisciplinary research; scientific method; methodology; scientific term; anthropology of international relations.

Одна из ведущих тенденций в международных исследованиях – стремление к синтезу знания, полученного в рамках отдельных научных дисциплин, каждая из которых имеет свой объект исследования, инструментарий, экспертное сообщество, журналы и издательства, научные центры. Профессионализация и специализация научных исследований приводит к дроблению дисциплин, к концу XX в. их насчитывалось более 15 тыс. [1], и этот процесс продолжается. Усиливающаяся специализация научного знания граничит с так называемым «профессиональным кретинизмом»: представители каждой научной дисциплины не хотят знать то, что выходит за ее непосредственные рамки, хотя важнейшая особенность науки – продуцирование нового знания [2]. Преодолеть указанный недостаток дисциплинарности призвана междисциплинарность, которая получает распространение со второй половины XX в.

Философ И. В. Лысак выделяет две интерпретации междисциплинарности. Согласно первой междисциплинарность – это взаимодействие двух или более научных дисциплин со своим предметом, терминологией и методами. Вторая трактовка определяет междисциплинарность как выявление тех областей знания, которые не исследуются существующими научными дисциплинами [2]. По мнению методолога истории Л. П. Репиной, междисциплинарность предполагает совместное изучение взаимосвязанных аспектов общей проблемы, когда предпринимаются попытки выстроить общую перспективу [3].

Междисциплинарность предоставляет исследователю большую свободу, возможность выйти за жесткие дисциплинарные рамки, исследовать сложные объекты в их целостности посредством применения интегральной методологии и синтеза данных, полученных представителями различных дисциплин. К проблемам междисциплинарного подхода методологи науки относят полное или частичное несовпадение специализированных языков и понятийного аппарата дисциплин, вырабатывающих интегративное знание, а также сложность научной экспертизы таких исследований [2]. Как отмечал французский социолог и философ Бурдьё (1930–2002), «встреча двух дисциплин – это

встреча двух личных историй, двух разных культур; каждая расширявает то, что говорит другая, исходя из собственного кода» [4]. Таким образом, междисциплинарность может стать как фактором повышения качества исследовательских проектов, так и затруднить получение нового знания.

Выделяют следующие признаки междисциплинарного исследования: междисциплинарный инструментарий, проблемная ориентированность, разработка базовой терминологии и вовлечение ее в текст. Междисциплинарный подход – это более широкое понятие, чем междисциплинарный метод, поскольку включает в себя кроме инструментария принципы и идеи [5].

Начало междисциплинарной практики в исторических исследованиях относится к концу XIX – началу XX в., она заключалась в заимствовании эмпирических данных. К активному использованию опыта смежных дисциплин призывали представители школы «Анналов» в 1920–1950-е гг. (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель), однако бурное развитие междисциплинарного взаимодействия историков с представителями социологии, политологии, психологии и других наук начинается в 1960-е и усиливается в 1980–1990-е гг. Результатом стало появление работ с преобладанием аналитики над нарративом, использование количественных методов [6–8].

На основе междисциплинарности развивается историко-антропологический подход в международных исследованиях (Дж. Розенау, США; Э. Я. Баталов, Россия), предполагающий внимание к межличностному и межгрупповому взаимодействию, взгляд на международные процессы и события с позиций их участников, изучение гендерного аспекта международных отношений [9].

Среди примеров эффективного междисциплинарного сотрудничества – изучение форм международного взаимодействия (конфликты, трансграничное сотрудничество), роль идентичностей и имиджей в международных отношениях (европейская идентичность, образы стран и политиков, продвижение международного имиджа и т. д.).

Междисциплинарное изучение проблемы «Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования» позволило внести корректировки в содержание этих терминов. Так, «образ» трактуется более широко, чем имидж, бренд, репутация. Под ним понимается комплекс взаимосвязанных экономических, географических, вну-

три- и внешнеполитических, а также прочих характеристик, сформировавшихся в ходе истории; образ включает целенаправленно формируемый имидж. Однажды сформировавшиеся образы становятся «невероятно устойчивыми», традиционными. «Имидж» определяется как образ, конструируемый с определенными целями и оказывающий воздействие на сознание людей. Выделяют такие подходы к формированию имиджа, как политико-культурный, экономический, философско-конструктивный, утопический. Имагология, изучающая складывание и преобразование образов народов и стран, использует методы политической науки, теории международных отношений, геополитики, лингвистики [10].

К результативным примерам использования междисциплинарности в изучении политических процессов методологи относят «Ориентализм» Э. Саида, квантовую теорию А. Вендта, теорию лиминальности, изучающую переход системы из одного состояния в другое. Ключевой для внешнеполитической деятельности ЕС в 2016 г., после формулировки Глобальной стратегии, стала концепция стрессоустойчивости. В документах ЕС термин стал употребляться уже в 2012 г. в контексте политики помощи и развития странам Азии, Карибского бассейна, Тихого океана, а впервые эту категорию использовал эколог К. Холлинг для обозначения «меры стойкости систем». Далее категория стала использоваться экономистами, а затем представителями политической науки и ее практиками. Это стало возможным потому, что главные характеристики стрессоустойчивости остаются сквозными [11].

Междисциплинарные исследования в области международных отношений развиваются и в Республике Беларусь (доклад профессора В. В. Фрольцова на научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедры международных отношений БГУ (2017 г.)) [12]. Междисциплинарные исследования белорусских экспертов в области прав человека нашли отражение в коллективной монографии, выдержавшей два издания [13].

Интерес исследователей международных отношений вызывают материалы международной конференции, регулярно проводимой факультетом глобальных процессов МГУ и РГЭУ [14]. Не утратили свою актуальность материалы конференции, состоявшейся в 2012 г. в РГЭУ, участники которой обсудили возможности использования междисциплинарности в исторических исследованиях [15].

Таким образом, многоаспектность объекта в международных исследованиях предполагает его изучение в контексте различных научных дисциплин и направлений, что предоставляет возможность достижения более эффективных анализа и синтеза; для междисциплинарного диалога, смягчения и преодоления его неизбежных трудностей в Беларуси создан ряд платформ, в частности на базе БГУ. Междисциплинарность способствует поиску новых подходов к пониманию современных международных отношений и их улучшению.

Библиографические ссылки

1. *Степин В. С.* История и философия науки. М., 2011. С. 193.
2. *Лысак И. В.* Междисциплинарность: преимущества и проблемы применения // *Соврем. проблемы науки и образования.* 2016. № 5. С. 28–35.
3. *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 28.
4. *Бурдые П.* Начала : пер. с фр. М., 1994. С. 156.
5. *Бушмакина Ю. В.* Междисциплинарный подход в современном историческом знании // *Вестн. Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-та.* Сер. 3. 2017. С. 7–20.
6. *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М., 2003. 486 с.
7. *Согрин В. В.* 50 лет в американистике // *Новая и новейшая история.* 2020. № 3. С. 21–39.
8. *Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой.* М., 2005. С. 7.
9. *Баталов Э. Я.* Антропология международных отношений. М., 2018. 352 с.
10. *Аршинцева О. А., Бетмакаев А. М., Чернышов Ю. Г.* Опыт междисциплинарных исследований истории и теории международных отношений в Алтайской школе политических исследований (аналитический обзор) // *Изв. Алтайск. гос. ун-та.* Сер.: Исторические науки. 2016. С. 172–180.
11. *Павлова Е. Б., Романова Т. А.* К дебатам о теории международных отношений: переосмысление междисциплинарности // *Полис. Полит. исслед.* 2019. № 2. С. 161–172.
12. *Фрольцов В. В.* Междисциплинарные исследования на кафедре международных отношений: основные направления // *Исследование международных отношений в Республике Беларусь: состояние и перспективы : материалы*

респ. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию кафедры междунар. отношений БГУ, Минск, 6 окт. 2017 г. / редкол.: М. Э. Чесновский (гл. ред.) [и др.] ; фак. междунар. отношений БГУ. Минск, 2018. С. 60–67.

13. Междисциплинарные исследования в области прав человека / Т. П. Афонченко [и др.]. 2-е изд. Минск, 2020. 220 с.

14. Междисциплинарные проблемы международных отношений в глобальном контексте / под ред. А. У. Альбекова, А. М. Старостина. Ростов н/Д, 2019. 324 с.

15. «Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях / отв. ред.: Г. Г. Ершова, Е. А. Долгова. М., 2012. 343 с.

ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В. М. Слепцова

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, г. Минск, Республика Беларусь, 220030
viktorysleptsova@gmail.com*

С. Ф. Свилас

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, г. Минск, Республика Беларусь, 220030
svilas@tut.by*

Рассматривается гендерный подход российских исследователей к изучению международных отношений, обоснована его междисциплинарность, выявлены основные научные центры. Анализируется степень освещенности гендерного фактора в российской историографии. Объект исследования – гендерный аспект международных отношений. Предмет исследования – российская историография гендерного фактора в международных отношениях. Цель исследования – охарактеризовать основные подходы российских исследователей к изучению гендера. Практическая значимость исследования заключается в возможности его использования в учебной и научной работе.

Ключевые слова: гендерный фактор международных отношений; гендерная политология; политическое лидерство; гендерное равенство; права женщин; гендерная теория управления; гендерная асимметрия; феминизация бедности.

GENDER FACTOR IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF INTERNATIONAL RELATIONS

V. M. Sleptsova

*Belarusian state University
Nezavisimosti av., Minsk, Belarus, 220030
viktorysleptsova@gmail.com*

S. F. Sivilas

*Belarusian state University
Nezavisimosti av., 4, Minsk, Belarus, 220030
sivilas@tut.by*

The article examines the gender approach of Russian researchers to the study of international relations, substantiates its interdisciplinary nature and identifies the main research centers. The authors analyze the degree of coverage of the gender factor in Russian historiography. The object of research is the gender aspect of international relations. The subject of the research is the Russian historiography of the gender factor in international relations. The purpose of the study is to characterize the approaches of Russian researchers to the study of gender. The practical significance of the research lies in the possibility of its use in educational and scientific work.

Keywords: gender in international relations; gender political science; political leadership; gender equality; women's rights; the gender theory of management; gender asymmetry; feminization of poverty.

Мировое сообщество в повестке дня в области устойчивого развития, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 г., в качестве одной из своих целей провозгласило гендерное равенство [1]. Обретение женщинами прав и свобод наравне с мужчинами рассматривается как важный фактор демократизации общественных отношений и международной безопасности.

Феминизм в науке о международных отношениях как один из критических подходов к изучению международных процессов стал развиваться с 1960-х гг. Роль женского фактора в общественном развитии заметно возрастает в 1970-е гг., именно тогда начинается активное развитие женских движений, «вторая волна» феминизма. По оценке академика А. В. Торкунова, новый стимул феминизм получил с середины 1980-х гг. в рамках постмодернизма [2]. Профессор истории С. М. Виноградова (Санкт-Петербургский университет) аргументированно утверждает, что гендерные исследования обогащают теорию международных отношений [3].

Кандидат политических наук С. В. Бушуева (МГУ) видит суть гендерного подхода в представлении, что важны не биологические или физические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое общество придает этим различиям [4].

В немалой степени по причине усиления междисциплинарности, в том числе и в международных исследованиях, сфера отношений между полами стала рассматриваться и как внешнеполитическая проблема.

Профессор А. Г. Дугин, плодотворно занимающийся философией, политологией, социологией, трактует феминизм как одно из направлений постпозитивистской школы международных отношений и отмечает такие его разновидности, как марксистский, позиционный, постмодернистский и либеральный. Позиционный феминизм в интерпретации указанного автора заключается в признании факта различия мужчин и женщин: женщины и в области международных отношений транслируют поведение в соответствии с гендерной идентификацией. Среди представителей данного направления – американский профессор С. Энло, которая впервые исследовала проблему места и роли женщин в системе международных отношений, причины их незначительного представительства в международных организациях. По ее оценке, западное общество характеризуется мужским типом управления, а восточное – женским. Американка Дж. Тикнер рассматривает постулаты реализма, принципы которого «исключают женский взгляд», как выражение власти мужчин; эта исследовательница отмечает и «отсутствие женского языка» в интерпретации событий. Представительницам данного течения гендерный подход видится в качестве средства для построения сбалансированной теории международных отношений с учетом «женского взгляда».

Еще одно течение, *standpoint*-феминизм, призывает к корректировке социально-политических теорий посредством использования достижений исследователей-женщин. Представители постмодернизма исходят из того, что значение женщины не следует преувеличивать: хотя мир и противоречив, его строят мужчины, а женщина лишь приспосабливается к жизни в нем.

Либеральный феминизм констатирует властную репрезентативность мужчин, хотя и признает права женщин на участие в принятии политических решений и в международной жизни; женский взгляд на войну, по мнению его представителей, создает возможности для реструктуризации понятий безопасности и мира [5].

Исследуя марксистский феминизм, кандидат исторических наук И. М. Есип (Крымский федеральный университет) обращает внимание на значительную активизацию дискуссии о равноправии мужчин

и женщин во второй половине XIX в. Среди активных приверженцев данного направления отмечается одна из основателей коммунистической партии Германии К. Цеткин (1857–1933), которая первой выдвинула концепцию «двойного угнетения» [6]. Кандидат социологических наук С. А. Батуренко (МГУ), прослеживая развитие марксистского феминизма как теоретического направления, акцентирует внимание на работе советского дипломата А. М. Коллонтай (1852–1952) «Социальные основы женского вопроса», которую оценивает как базис этого направления [7].

Профессор психологии Т. А. Королева (РГПУ) разделяет тезис феминизма о том, что политика не должна прятаться за занавесом и сводиться только к деятельности государственных органов и международных организаций. Термин «феминизм равенства» определяется ею как «достижение гендерного равенства», а «феминизм различия» – как «инаковость» и «малая репрезентативность женщин» [8].

Доктор социологических наук и кандидат исторических наук Т. Б. Рябова (Ивановский государственный университет) обращает внимание, что понятие «власть» ассоциируется с традиционно мужскими качествами, ограничивая женщин в продвижении по политической лестнице. Этот автор отмечает, что в России гендерная политология, рассматривающая гендерное равенство как основной фактор для достижения демократического устройства общества, начала формироваться с середины 1980-х гг., во время перестройки. Представители данного направления ищут корни гендерного неравенства во всех сферах общественной жизни и привлекают для решения проблемы исследователей-женщин и практиков, а также пристально изучают опыт США, Великобритании, Канады, Японии, Скандинавских стран [9].

Кандидат исторических наук Ю. Л. Шепелева делает акцент на гендерном аспекте политического лидерства, который, по оценке этого автора, приобретает все большую актуальность и развитие в историографии. Она призывает к преодолению гендерного неравенства на государственной службе, в партийных и общественных объединениях. История знает не так много примеров, когда женщины являлись руководителями государства, постсоветское пространство не является исключением. Традиционные установки способствуют укоренению стереотипных требований к политикам и госслужащим, ущемляя тем самым женщин [10].

Доктор социологических наук С. А. Ильиных, рассматривая «Гендерную теорию управления», также отмечает, что устоявшиеся стереотипы ограничивают возможности равенства полов и порождают негативное влияние самого понятия «гендер» на общественную жизнь [11]. Доктор политических и кандидат исторических наук профессор О. Г. Овчарова (Российская государственная академия искусств) на убедительных примерах иллюстрирует «гендерную асимметрию» в политике – неравенство позиций и статуса мужчины и женщины в этой сфере. Причину она видит в исторической культурной составляющей обществ, а также в сформированной посредством патриархальной призмы системе отношений между мужчинами и женщинами. Автор констатирует тенденцию отхода от гендерной асимметрии в странах Латинской Америки и Африки, которые исторически были менее озабочены гендерной постановкой вопроса, они вытесняют с первых позиций Скандинавию, лидирующую в области достижения гендерного равенства [12].

Московский политолог С. В. Бушуева отмечает важность развития бихевиоризма в психологии, что сделало возможным более глубокое исследование воздействующих на политиков факторов. «Гендерную асимметрию» она объясняет наличием стереотипов о мужском и женском типах управления. Женщины в политике более склонны к диалогу, чаще находятся под влиянием эмпатии, чаще проявляют сочувствие и заботу [4].

Доктор политических и кандидат исторических наук С. Г. Айвазова (Институт социологии РАН) задается вопросом, какие модели поведения используют те или иные политики и насколько они характерны для мужчин и женщин. Проследившая закрепление гендерного равенства в международно-правовых документах, автор исходит из того, что права женщин являются неотъемлемыми правами человека и их следует относить к правам первого поколения. Она разделяет взгляды представителей феминистского направления в теории международных отношений и отмечает, что, хотя правовые нормы изначально имели универсальный характер, они отражали интересы привилегированных мужчин, не распространяясь на людей небелой расы, женщин и детей. К важнейшим документам в сфере защиты прав женщин автор относит Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.), настаивающую на необходимости введения государственного гендерного квотирования для обеспечения им равных прав и возмож-

ности реализации во всех сферах, в первую очередь в политической. Исследователь анализирует итоги Четвертой Всемирной конференции ООН по положению женщин (Пекин, 1995 г.), на которой поднимался вопрос о гендерном равенстве как основополагающем векторе мировой политики в XXI в. Участники этого международного форума сошлись во мнении, что репрезентативность женщин является элементарным требованием построения демократического общества, гендерное равенство – это не условный элемент, необходимый для достижения демократии, а действительно важный ее компонент [13].

Сходных взглядов придерживается профессор истории Л. О. Терновая (МАДИ), одним из направлений научных исследований которой является международно-правовая деятельность мирового сообщества по вопросу гендерного равенства. По ее оценке, на специальной сессии ГА ООН «Женщины-2000: равенство между полами, развитие и мир в XXI веке» произошла корректировка международной повестки дня в русле действительного стремления к достижению гендерного равенства и формированию нового взгляда на права и свободы. Участники встречи обратили внимание на «феминизацию бедности» и пришли к выводу о необходимости обсуждения гендерного фактора наряду с социальными и экономическими проблемами. Исследователь отмечает значение принятой Советом Безопасности ООН Резолюции № 1325 (2000 г.), впервые поднявшей вопрос об участии женщин в предотвращении и урегулировании конфликтов и миротворчестве. Автор позитивно оценивает тенденцию к возрастанию числа женщин-политиков, отмечая вместе с тем рост в странах Запада скандальных происшествий, объектами которых они становятся [14].

Кандидат философских и доктор политических наук Э. Я. Баталов гендерное измерение рассматривает как важнейший аспект антропологии международных отношений. Утверждая, что говорить об исчезновении андроцентризма в теории и практике международных отношений преждевременно, он вместе с тем приводит многочисленные примеры, где мужчины и женщины выступают как равноценные субъекты. Э. Я. Баталов рассматривал влияние процесса феминизации на развитие теории (посредством анализа работ Дж. Э. Тикнер, К. Гиллиган, С. Оукин) и практики международных отношений (приход женщин в международные исследования, увеличение их числа среди политиков и дипломатов). Характеризуя феминизацию международных отношений как объектив-

ный процесс, автор справедливо считает, что она не ведет к их радикальной гуманизации; институциональное внешнеполитическое поведение определяется не полом, а функциями, задаваемыми ситуативной ролью, национальным характером, политической культурой [15].

Российские исследователи аргументируют и подтверждают констатацию экспертов ООН, что как в развитых, так и в развивающихся странах женщины по-прежнему нередко лишены равных с мужчинами возможностей в сфере образования, трудовой занятости, государственного управления и внешней политики, поэтому гендерное равенство является не только одной из целей деятельности Организации, но и признается важнейшим средством достижения всех других целей в области развития. Так, усилия по преодолению бедности все чаще строятся на основе признания решающей роли женщины в социально-экономическом развитии, а содействие расширению образования среди девочек необходимо для обеспечения всеобщего начального образования. Гендерные исследования, активно развивающиеся в России на основе междисциплинарности, представляют интерес и для исследователей-международников. Их главная задача – объяснение асимметрии между социально-экономическим положением женщин и мужчин, а также ее преодоление.

Библиографические ссылки

1. ЦУР Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс] : резолюция СБ ООН 70/1 от 25 сент. 2015 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (дата обращения: 01.10.2020).

2. Современные международные отношения : учеб. пособие / под ред. А. В. Торкунова. М., 2019. С. 308.

3. *Виноградова С. М.* Государство, безопасность, суверенитет: международные отношения в зеркале феминизма // Полит. экспертиза: ПОЛИТЭКС. № 4, т. 6. 2010. С. 53–67.

4. *Бушуева Н. В.* Женское политическое лидерство: гендерные исследования в России // Социология власти. 2010. № 4. С. 100–107.

5. *Дугин А. Г.* Международные отношения. Парадигмы, теории, социология : учеб. пособие. М., 2013. 348 с.

6. *Есин И. М.* Карл Маркс, марксизм и «женский вопрос» [Электронный ресурс] // Науч. вестн. Крыма. 2018. №7 (18). URL: <http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/396/596> (дата обращения: 01.10.2020).

7. *Батуренко С. А.* Марксистский феминизм: теоретический проект, генезис и опыт практической реализации в XX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. 2019. 25(1). С. 111–129.

8. *Королева Т. А.* Феминизм как идейно-политический феномен // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2010. № 126. С. 311–319.

9. *Рябова Т. Б., Овчарова О. Г.* Гендерная политология в России: Достижения, проблемы и перспективы // Женщина в рос. о-ве. 2016. № 1. С. 3–23.

10. *Шенелева Ю. Л.* Гендерные аспекты лидерства в рамках политологических исследований [Электронный ресурс] // Гос. и муницип. упр. Уч. зап. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-aspekty-liderstva-v-ramkah-politologicheskikh-issledovaniy> (дата обращения: 01.10.2020).

11. *Ильиных С. А.* Гендерная теория управления // Идеи и идеалы. 2012. № 2 (12). С. 115–128.

12. *Овчарова О. Г.* Гендерная асимметрия политики: изменение мировой конфигурации // Человек. Сообщество. Управление. 2016. № 2, т. 17. С. 70–82.

13. *Айвазова С. Г.* Гендерное равенство в контексте прав человека : учеб. пособие. М., 2001. 79 с.

14. *Терновая Л. О.* Гендерное измерение международных отношений и внешней политики : сборник // Внешняя политика: вопросы теории и практики / под ред. П. А. Цыганкова. М., 2009. С.115–130.

15. *Баталов Э. Я.* Антропология международных отношений. М., 2018. С. 252–267.

О ЗАПАДНЫХ НАУЧНЫХ ШКОЛАХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. Е. Снапковский

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, Минск, Республика Беларусь, 220030
ulsnap44@inbox.ru*

Дан краткий обзор западной историографии внешней политики Республики Беларусь, в которой к настоящему времени сложилось несколько национальных исследовательских школ; среди них автор выделяет американско-английскую (англо-саксонскую), немецкую и польскую. Охарактеризованы их ведущие представители (авторы и исследовательские коллективы), основные публикации (монографии, учебники, научные доклады, исторические обзоры, статьи, справочная литература) и в ряде случаев представлены главные тезисы и подходы представителей этих школ. Подчеркивается, что из западных научных школ выделяется польская, издавшая более десятка солидных, хорошо фундированных работ как обобщающего характера, так и посвященных региональным проблемам и двусторонним отношениям Республики Беларусь.

Ключевые слова: исследование внешней политики Республики Беларусь; национальная научная школа; западные научные школы (американско-английская, немецкая, польская); методология изучения внешней политики Республики Беларусь.

ON WESTERN SCIENTIFIC SCHOOLS FOR RESEARCHING FOREIGN POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

U. E. Snapkowski

*Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, Minsk, Belarus, 220030
ulsnap44@inbox.ru*

The article gives a brief overview of the Western historiography of the foreign policy of the Republic of Belarus, in which several national research schools have developed by now; among them the author singles out American-

English (Anglo-Saxon), German and Polish. Their leading representatives (authors and research teams), main publications (monographs, textbooks, scientific reports, historical reviews, articles, reference books) and in some cases the main theses and approaches of representatives of these schools are characterized. It is emphasized that the Polish one stands out from the Western scientific schools, which published more than a dozen solid, well-founded works of both a general nature and devoted to regional problems and bilateral relations of the Republic of Belarus.

Keywords: Research of foreign policy of the Republic of Belarus; national scientific school; Western scientific schools (American-English, German, Polish); methodology of studying foreign policy of the Republic of Belarus.

После провозглашения своей независимости Республика Беларусь оставалась для западных политиков и исследователей довольно незаметной среди новых государств, вышедших на международную арену. Наиболее точно отражал ее место в восточноевропейском регионе термин «терра инкогнита», и это несмотря на 45-летний опыт деятельности БССР в ООН, где республика была дополнительным голосом для делегации СССР. Внимание Запада было приковано к Украине и государствам Балтии, не говоря уже о России. Интерес США и других крупных держав к небольшой и политически стабильной стране подогревался лишь наличием на ее территории ядерного оружия. Первую достоверную информацию о Беларуси для западного читателя представили деятели белорусской диаспоры в США. Видный белорусско-американский общественный деятель и исследователь Я. Запрудник в 1993 г. издал на английском языке книгу «Беларусь на исторических перекрестках», где отразил основные этапы исторического прошлого белорусского народа, в том числе первые шаги внешней политики Республики Беларусь (в 1996 г. книга переведена на белорусский язык) [1; 2]. Позднее индивидуально, а затем в соавторстве с В. Силицким он опубликовал в США несколько изданий «Исторического словаря Беларуси» [3; 4].

В западной историографии внешней политики Республики Беларусь сложилось к настоящему времени несколько национальных исследовательских школ, среди которых можно выделить американо-английскую (англо-саксонскую), немецкую и польскую. Кратко охарактеризуем их ведущих представителей и основные публикации.

Американские и британские исследователи рассматривали белорусскую проблематику в контексте проблем международной безопасно-

сти, мировых и региональных геополитических процессов. Такой подход проявлялся, в частности, в работах З. Бжезинского, Ш. Гарнета, Р. Легволда и изданных под их редакцией книгах, подготовленных международными коллективами авторов, в том числе из Беларуси, Литвы, России, Польши, Украины [5–7]. Большинство американских авторов относило Беларусь к «серой зоне нестабильности» между Европейским Союзом и Россией, рассматривая ее преимущественно в качестве объекта воздействия внешних сил (России и Запада), неспособного к осуществлению самостоятельной внешней политики. Роль белорусского фактора в восточноевропейской политике и отношениях России с Западом глубоко проанализирована в коллективной монографии о первом десятилетии независимого развития Беларуси, составленной авторами из разных стран, изданной Гарвардским университетом в 2002 г. [8]

Американские аналитики исследовали место Беларуси во внешней политике США и показали ее эволюцию в 1990-х – начале 2000-х гг. (М. Бальмаседа, С. Вохрель, С. Уолландер) [9; 10]. Во втором десятилетии XXI в. они начали признавать Беларусь в качестве самостоятельного политического субъекта на мировой арене, но при этом обращали внимание на сохранение тесных связей между Беларусью и Россией и наличие существенных проблем в отношениях нашей страны со странами «коллективного Запада». Английские авторы опубликовали ряд исследований об идентичности Беларуси, России и Украины и ее проявлениях во внешней политике трех государств [11–13]. Несколько работ посвящены отношениям Минска с Москвой и Брюсселем, которые рассматриваются через призму геополитической игры белорусской дипломатии (публикации Е. Коростелевой (белорусско-английский автор), Д. Марплза (канадский автор), А. Кудорса (латвийский автор), К. Мартинсена (норвежский автор)) [14–17].

Англо-саксонская школа представила несколько книг о трансформационных процессах в посткоммунистической Беларуси, выделяя их особенности, в том числе замедленное формирование нации (Д. Марплз), и объясняя причины устойчивости режима президентской власти А. Лукашенко [18–21]. Феномену его длительного президентского правления посвящены работы британских авторов Э. Вильсона (Лондонский университет) и Б. Беннета (посол Великобритании в Беларуси), Г. Иоффе (Ратгерский университет) [22–24]. В публикациях Г. Иоффе раскрывались особенности внутренней и внешней политики А. Лукашен-

ко с позиций переоценки последней в культурном и геополитическом контексте. А. Савченко в книге под характерным названием «Беларусь – вечное пограничье» показал территориально-политические изменения белорусских государств на протяжении столетий, выделяя XX в. с его постоянными разделами белорусских земель [25].

Большинство американских авторов в своих работах указывали на острые проблемы в отношениях между Республикой Беларусь и США [9; 10]. Первые подвижки в сторону их нормализации между государствами произошли после начала российско-украинского конфликта, и этот процесс продолжался до августа 2020 г., после чего вновь оказался отброшенным далеко назад.

Немецкая школа внешнеполитических исследований Беларуси представлена большим количеством публикаций по сравнению с англо-саксонской и имеет более глубокие традиции «белорусских исследований», начиная с времен Первой мировой войны. Интерес к Беларуси у исследователей ФРГ обозначился на рубеже 80–90-х гг. XX в., в период политических преобразований в СССР. Е. Шнайдер, Х.-Х. Шредер, Г. Симон, Х. Тиммерманн, А. Рар, Б. Вебер и другие в своих работах рассмотрели вопросы внешнеполитической ориентации и первых лет дипломатической деятельности Республики Беларусь [26–28]. Попытку системного исследования внешней политики нашей страны в начале 1990-х гг. предпринял в своих статьях Ф. Умбах, отметивший, что основным внешнеполитическим трендом Беларуси являлось сближение с Россией в военно-политической и экономической сферах, и подчеркнувший необходимость продолжения Западом политики сотрудничества с Беларусью [29].

В середине 1990-х гг. в Германии начался новый этап изучения внутренней и внешней политики Беларуси. По мере развития изучения белорусской проблематики в германской историографии происходило накопление научных знаний о нашей стране, уточнялась тематика, «белорусское» направление выделилось из общего комплекса исследований стран СНГ. В это время сформировалось новое поколение исследователей Беларуси, которые занимались как научной, так и практической работой по реализации белорусско-германских проектов. В Германии были созданы общественные и исследовательские структуры по изучению Беларуси. К десятилетию восстановления дипломатических отношений между двумя государствами посольство Германии в Минске

подготовило информационно-аналитическое издание, в котором были представлены данные о достижениях и проблемах в отношениях Германии с Республикой Беларусь [30]. Заметной вехой в исследовании внешней политики Беларуси в Германии была коллективная монография по анализу отношений Европейского Союза с Россией, Беларусью, Украиной и Молдовой (2005 г.) [31]. Необходимо также отметить появление в германской историографии обобщающих работ по двусторонним отношениям. Научный сотрудник Манхаймского центра социальных исследований А. Бабаев опубликовал работу, в которой осуществил сравнительный анализ политики США и Германии в отношении Беларуси во второй половине 1990 – 2000-х гг. [32] Германские исследователи уделяли значительное внимание интеграционным процессам на постсоветском пространстве, созданию и деятельности Евразийского экономического союза. Содержательная статья международного коллектива авторов (А. Зам, Р. Линднер, Д. Марплз, А. Рар) в журнале «Восточная Европа» была посвящена причинам и последствиям внутривнутриполитического кризиса в Беларуси, вызванного президентской кампанией 2010 г. [33]. Х. Форстер опубликовал серьезное исследование о конституционно-политическом кризисе в Беларуси 1996–1997 гг., в том числе его международных аспектах [34]. В целом, немецкие специалисты отдавали предпочтение отдельным аспектам внешней политики Беларуси в контексте специфики белорусской политической системы и участия Республики Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве. Также они проявляли повышенный интерес к исследованию проблем взаимоотношений Беларуси с Европейским союзом, рассматривая последний в качестве ретранслятора интересов и ценностей «коллективного Запада» [35–37]. Содержательный обзор немецкой историографии внешней политики Беларуси и отношений ФРГ с нашей страной подготовлен белорусским исследователем А. Русаковичем [38].

Польская исследовательская школа внешней политики современной Беларуси имеет ряд серьезных монографий и обобщающих работ по указанной проблематике. Это работы К. Малака, Е. Мироновича, Р. Чахора (две последние являются академическими учебниками) [39–41], коллективные исследования сотрудников университетов в Варшаве, Вроцлаве, Люблине. Ряд книг посвящен польской восточной политике, важное место в которой занимает Беларусь (С. Белень, К. Федорович, С. Герхард) [42–44], геополитическому положению Беларуси в Европе и мире (Е. Ты-

мановский и др.) [45–48], польско-белорусским отношениям [37; 49–53]. Пионерский характер имеет монография А. Эберхардта о российско-белорусских отношениях [53].

Научное изучение внешней политики Республики Беларусь в стране и мире за 30-летие независимости прошло этап становления и выходит на путь расширения и углубления исследований. По нашим приблизительным оценкам, в мире издано около 30 серьезных работ по общим и отдельным аспектам внешнеполитической деятельности Беларуси. Наиболее активно и широко эта тематика разрабатывается в самой Беларуси, где опубликованы ряд монографий и учебных пособий, а также сотни статей по данной проблематике. Но в целом белорусская наука отстает в обобщении и научном анализе опыта внешнеполитической деятельности своей страны, в том числе на ее ключевых направлениях – российском и западном, как и в области многосторонней дипломатии [54; 55]. Из зарубежных научных школ выделяется польская, издавшая более десятка солидных, хорошо фундированных работ как обобщающего характера, так посвященных региональным проблемам и двусторонним отношениям Республики Беларусь. Высоким уровнем отличаются публикации представителей англо-саксонской и немецкой школ, отражающие, как правило, отдельные аспекты указанной тематики, прежде всего западный вектор белорусской внешней политики и место Беларуси во внешнеполитической стратегии Запада на постсоветском пространстве. К обобщающим работам по внешней политике Республики Беларусь, изданным на Западе, следует отнести прежде всего научные исследования, указанные в списке [1; 5; 8; 39–41; 45–48]. В связи с тем, что политический кризис в Беларуси 2020 г. стал одной из важных международных проблем, следует ожидать всплеска интереса исследователей к нашей стране.

Библиографические ссылки

1. *Zaprudnik J.* Belarus at a Crossroads in History. Boulder, 1993.
2. *Запруднік Я.* Беларусь на гістарычных скрыжаваннях. Мінск, 1996.
3. *Silitski V., Zaprudnik J.* Historical dictionary of Belarus. 2nd ed. Lanham, 2007.
4. *Silitski V., Zaprudnik J.* The A to Z of Belarus. Lanham, 2010.
5. Беларусь на перепутье: в поисках международной идентичности / под ред. С. Гарнета, Р. Легволда. М., 1998.

6. Swords and Sustenance. The Economics of Security in Belarus and Ukraine / ed.: R. Legvold, C. Wallander. Cambridge, 2004.
7. Мечи и орала. Экономика национальной безопасности Беларуси и Украины / под ред. Р. Легволда, С. А. Уолландер. Кембридж ; Лондон, 2004.
8. Independent Belarus. Domestic Determinations, Regional Dynamics, and Implications for the West / ed.: M. Balmaceda, J. Clem, L. Tarlow. Cambridge, 2002.
9. *Wallander C.* Belarus: A crucial step for a Transformational U. S. Foreign Policy Strategy [Electronic resource] // CSIS. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/attachments/ts060309_wallander.pdf (date of access: 17.08.2020).
10. *Woehrel S.* Belarus: Background and U.S. Policy Concerns. Washington D. C., 2013.
11. Postcommunist Belarus / ed.: St. White, E. Korosteleva, J. Löwenhardt. Oxford, 2005.
12. *Smith G.* Nation-building in the Post-Soviet Borderlands: The Politics of National Identities. Cambridge, 1998.
13. *White S., Feklyunina V.* Identities and Foreign Policies in Russia, Ukraine and Belarus: The Other Europe's. London, 2014.
14. Belarusian foreign policy: 360° / ed. A. Kudors. Riga, 2017.
15. *Korosteleva E.* The European Union and its Eastern neighbours: towards a more ambitious partnership? London; New York, 2014.
16. *Marples D.* Between the EU and Russia: Geopolitical Games in Belarus // The J. of Belarusian studies. 2013. № 1. P. 38–68.
17. *Martinsen K. D.* The Russian-Belarusian Union and the Near Abroad. Oslo, 2002.
18. Будущее Беларуси: взгляд независимых экспертов / под ред. О. Манаева. СПб., 2012.
19. *Marples D.* Belarus: A Denationalized Nation. Amsterdam, 1999.
20. Postcommunist Belarus / ed.: St. White, E. Korosteleva, J. Löwenhardt. Oxford, 2005.
21. Prospects for democracy in Belarus / ed.: J. Forbrig, D. R. Marples, P. Demeš. 2nd ed. Washington, 2006.
22. *Bennett B.* The Last Dictatorship in Europe: Belarus under Lukashenko. Hurst, 2011.
23. *Wilson A.* Belarus: The Last European Dictatorship. London, 2011.
24. *Ioffe G.* Reassessing Lukashenka: Belarus in cultural and geopolitical context. Basingstock, 2014.
25. *Savchenko A.* Belarus – a perpetual borderland. Leiden ; Boston, 2009.

26. *Rahr A.* Belarus: Aussenpolitik im Vorhof Russlands // Die Aussenpolitik der neuen Republiken im östlichen Europa. Rußland und die Nachfolgestaaten der Sowjetunion in Europa. Bonn, 1994.

27. *Schröder H.-H., Schneider E.* Moskau – Minsk – Kiew: Sicherheitspolitische Perzeptionen im Werden: Eindrücke von einer fact-finding-mission. Köln, 1992.

28. *Тиммерман Х.* На пути к авторитаризму? // Мировая экономика и междунар. отношения. 1997. № 7. С. 96–105.

29. *Umbach F.* Aussen-, sicherheits- und verteidigungspolitische Orientierungen Weissrusslands // Osteuropa. 1994. № 3. S. 242–256.

30. 10 Jahre deutsch-belarussische Beziehungen. Eine Bilanz. = 10 лет германо-белорусских отношений / hrsg.: J. Kantorczyk [at all]. Minsk, 2004.

31. *Piehl E., Schulze P.W., Timmermann H.* Die offene Flanke der Europäischen Union: Russische Föderation, Belarus, Ukraine und Moldau. Berlin, 2005.

32. *Babajew A.* Demokratieförderung zwischen Annäherung und Sanktionen: der US – amerikanische und deutsche Umgang mit dem Lukaschenko-Regime in Belarus. Frankfurt am Main. 2011. № 3. S. 41.

33. Der Fall Belarus. Analysen, Interpretationen, Konsequenzen / J. Forbrig [at all] // Osteuropa. 2010. № 12. P. 5–22.

34. *Förster H. L.* Von der Diktatur zur Demokratie und zurück? Eine Auseinandersetzung mit der Problematik der System-transformation am Beispiel der ehemaligen Sowjetrepublik Belorussland. Hamburg, 1998.

35. Belarus: External Pressure, Internal Change / ed. H.-G. Heinrich, L. Lobova. Frankfurt am Main ; Berlin ; Bruxelles ; New York ; Oxford ; Wien, 2009.

36. Belarus and the EU: from isolation towards cooperation / ed. H.-G. Wieck, S. Malerius. Vilnius, 2011.

37. *Clement H.* Die neuen Nachbarn und die Europäische Union – Möglichkeiten und Grenzen der Integration am Beispiel Ukraine und Belarus. München, 2005.

38. *Русакович А. В.* Германия во внешней политике Беларуси (1990–2012 гг.). Минск, 2015. С. 27–39.

39. *Malak K.* Polityka zagraniczna i bezpieczeństwa Białorusi. Warszawa, 2003.

40. *Mironowicz E.* Polityka zagraniczna Białorusi. Białystok, 2011.

41. *Czachor R.* Polityka zagraniczna Republiki Białoruś w latach 1991–2011. Studium politologiczne. Polkowice, 2011.

42. *Fedorowicz K.* Polityka Polski wobec Rosji, Ukrainy i Białorusi w latach 1989–2010. Poznań, 2011.

43. *Gerhardt S.* Polska polityka wschodnia: die Außenpolitik der polnischen Regierung von 1989 bis 2004 gegenüber den östlichen Nachbarstaaten Polens (Rußland, Litauen, Weißrussland, Ukraine). Marburg, 2007.
44. Polityka wschodnia Polski – między fatalizmem geopolitycznym a klątwą niemocy / red. nauk. S. Bieleń. Warszawa, 2019.
45. Białoruś w stosunkach międzynarodowych / pod red. I. Topolskiego. Lublin, 2009.
46. Geopolityczne miejsce Białorusi w Europie i w świecie. Warszawa, 2006.
47. Polska i Białoruś we współczesnej Europie / red. nauk.: J. Tymanowski, A. Daniluk, J. Bryll. Warszawa, 2015.
48. *Tymanowski J.* Rola i znaczenie Republiki Białoruś we współczesnej Europie. Toruń, 2017.
49. Białoruś – Polska: Przeszłość i teraźniejszość / pod red. M. S. Wolańskiego, G. Tokarza. Wrocław, 2008.
50. Polska – Białoruś: Wybrane aspekty polityczne i gospodarcze / pod red. M. S. Wolańskiego, G. Tokarza. Toruń, 2007.
51. Stosunki polsko-białoruskie : w 2 t. / red. nauk. S. Jaczyński, R. Pęksa. Siedlce, 2009. T. 1 : Historia i polityka.
52. Stosunki polsko-białoruskie : w 2 t. / red. nauk. S. Jaczyński, R. Pęksa. Siedlce, 2009. T. 2 : Społeczeństwo i polityka.
53. *Eberhardt A.* Gra pozorów: Stosunki rosyjsko-białoruskie 1991–2008. Warszawa, 2008.
54. *Тихомиров А. В.* Внешняя политика Республики Беларусь (1991–2015 гг.). Минск, 2017.
55. *Тихомиров А. В.* Изучение проблем внешней политики Республики Беларусь на кафедре международных отношений БГУ // Исследование международных отношений в Республике Беларусь: состояние и перспективы : материалы респ. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию кафедры междунар. отношений БГУ, Минск, 6 окт. 2017 г. / редкол.: М. Э. Чесновский (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2018. С. 11.

СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И ВОЗ В ПОСТЭПИДЕМИЧЕСКУЮ ЭПОХУ (COVID-19)

Хуан Куньпэн

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, Минск, Республика Беларусь, 220030
hkp19851121@gmail.com*

Рассматриваются проблемы взаимодействия Китая и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в условиях пандемии COVID-19. По мнению автора, укрепление сотрудничества с ВОЗ способствует реформе медицины и системы здравоохранения Китая и позволяет сделать данное государство более интегрированным в глобальную систему управления здравоохранением.

Ключевые слова: постэпидемическая эпоха; Китай; сотрудничество с ВОЗ.

COOPERATION BETWEEN CHINA AND THE WHO IN THE POST-EPIDEMIC ERA (COVID-19)

Huang Kunpeng

*Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, Minsk, Belarus, 220030
hkp19851121@gmail.com*

The problems of China's interaction with the World Health Organization (WHO) in the context of the COVID-19 epidemic are considered. According to the author, strengthening cooperation with WHO contributes to the reform of China's medicine and healthcare system and makes it more integrated into the global healthcare management system.

Keywords: post-epidemic era; China; cooperation with the World Health Organization.

С момента вспышки COVID-19 Китай несет ответственность за свой народ и международное сообщество и мобилизует все силы на борьбу с распространением пандемии во внешний мир. В настоящее время количество новых случаев заболевания продолжает снижаться, число вы-

леченных растет, а ситуация с профилактикой и контролем заболеваемости улучшается. Китай оперативно сообщил данные о вирусе в ВОЗ и укрепил свои связи с этой организацией.

Хорошая работа по борьбе с пандемией – величайший вклад Китая в безопасность общественного здравоохранения и мировое развитие. Китайский ученый Цзинь Цзиюн определяет дипломатию здравоохранения как «дипломатию общественного здравоохранения», которая относится к глобальному управлению, предпринимаемому различными субъектами для решения проблем безопасности [1]. В январе 2020 г. Си Цзиньпин на встрече с генеральным директором ВОЗ Т. А. Гебрейесусом заявил: «Безопасность и здоровье людей всегда являются первоочередной задачей, а профилактика и борьба с эпидемиями в настоящее время являются наиболее важными». Эпидемические заболевания транснационального распространения – это нетрадиционная проблема безопасности, угрожающая всему человечеству, а также проблема предотвращения и контроля. Основным очагом COVID-19 является г. Ухань. Вспышка заболеваемости совпала с празднованием китайского Нового года, когда 1,4 млрд человек навещали родственников и друзей. Коронавирус является новым очень заразным неизвестным вирусом, его сложно контролировать. Таким образом, способность предотвратить и контролировать распространение эпидемии имеет непосредственное отношение к безопасности и здоровью китайского народа и благополучию всего человечества.

Перед лицом эпидемии Коммунистическая партия Китая (КПК) и китайское правительство быстро приняли всеобъемлющие, строгие и тщательные меры профилактики и контроля, чтобы решительно сдержать распространение эпидемии, настаивая на координации ее профилактики и контроле, а также экономических и социальных мерах и стремлении минимизировать влияние эпидемии. В январе 2020 г. Си Цзиньпин издал важные инструкции в отношении COVID-19, указав на необходимость решительного сдерживания распространения эпидемии. Чуть позже он провел заседание Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК для повторного изучения вопросов предотвращения и контроля эпидемии. Люди всей страны боролись с болезнью и образовали мощную объединенную силу, способную одержать над ней победу. Как сказал генеральный директор ВОЗ Т. А. Гебрейесус, именно благодаря решительным мерам профилактики и контроля Китая и огромным жертвам, принесенным китайским народом, удалось предотвратить распространение эпидемии в другие страны мира. Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш

также считал, что жертвы Китая по сдерживанию распространения вируса являются огромным вкладом в дело всего человечества.

Вирусы не знают границ. Основываясь на быстром создании общенациональной системы совместной профилактики и контроля, необходимо открытое и прозрачное международное сотрудничество в области здравоохранения. Активное сотрудничество с международным сообществом – это четкая установка и важная мера, предпринятая Китаем в борьбе с эпидемией. История человеческой цивилизации представляет собой историю борьбы с болезнями. Эпидемия – это типичная нетрадиционная угроза безопасности. Она имеет характеристики внезапности, транснациональности, неопределенности и сложности предотвращения и контроля. Международное сотрудничество, которое преодолевает предрассудки и узкие интересы, является единственно правильным выбором для сдерживания и ликвидации эпидемии. Китай всегда был в авангарде сотрудничества с международными организациями и странами мира в борьбе с транснациональными эпидемиями и предоставлении продуктов для глобального управления общественным здравоохранением. В 2003 г. Китай успешно заблокировал распространение атипичной пневмонии. В 2014 г., когда эпидемия лихорадки Эбола охватила всю Западную Африку, Китай был первой страной, отправившей зафрахтованный самолет с предметами первой необходимости и медицинскими бригадами в пострадавший район. В условиях эпидемии Китай идентифицировал геном штамма вируса Эбола, заложив основу для разработки вакцин и эффективных лекарств, а также успешно разработал тесты для быстрого обнаружения, предоставив другим странам научную основу для принятия мер по предотвращению эпидемии. Китай проявил инициативу по обмену информацией с ВОЗ и международным сообществом, принимает делегацию экспертов ВОЗ для расследования и оценки эпидемии в Китае, осуществляет работу по профилактике и контролю эпидемии в соответствии с рекомендациями ВОЗ и Всемирных медико-санитарных правил. Правительство Китая всегда придавало большое значение обменным мероприятиям в области здравоохранения, а также «здоровью глобального управления здравоохранением» [2]. Эффективное сотрудничество с ВОЗ позволило создать первую линию защиты для сдер-

живания распространения эпидемии. Китай также активно укрепляет связи со странами, серьезно пострадавшими от эпидемии, такими как Япония, Южная Корея и Иран, что хорошо объясняет суть международного сотрудничества.

Пандемия COVID-19 еще раз напоминает нам, что эпохи, в которых переплетаются традиционная и нетрадиционная безопасность, локальные и глобальные проблемы трансформируются друг в друга. Ни одна страна не может быть одна, интересы всех стран тесно интегрированы. В рамках этого глобального сотрудничества Китай поддерживает концепцию общего будущего для человечества, активно осуществляет международное сотрудничество в борьбе с эпидемией, проявляя открытость, прозрачность и ответственность, а также внося свой вклад в поддержание и улучшение открытой и совместной глобальной системы управления общественным здравоохранением. В то же время страны мира также работают с Китаем, чтобы помогать друг другу. С момента вспышки пандемии COVID-19 лидеры более 170 стран и руководители более 40 международных и региональных организаций выразили Китаю соболезнования и поддержку по телефону, в письмах и заявлениях. Мы можем видеть истину в невзгодах. В эпидемиологическом кризисе многие иностранные друзья твердо стоят на стороне Китая. В феврале 2020 г. премьер-министр Камбоджи Хун Сен решил продлить свой маршрут для посещения Китая после визита в Южную Корею, чтобы выразить свои соболезнования и поддержку китайскому правительству и народу; Президент Монголии Х. Баттулга совершил свой первый визит в Китай после традиционного монгольского фестиваля – Фестиваля Белой Луны, посетил Пекин и подарил Китаю 30 000 овец. Пакистан срочно мобилизовал национальные медицинские резервы для помощи Китаю. Россия и Беларусь отправили военные самолеты для сопровождения экспертов по профилактике эпидемий и гуманитарные материалы в Китай. Японская балетная труппа Мацуюма исполнила для китайских друзей «Марш добровольцев». Некоторые африканские студенты, обучающиеся в Китае, выступили волонтерами на первой линии лечения или на железнодорожных станциях.

Китайский народ не забудет помощь, предоставленную людьми всего мира. Когда внутренняя эпидемия еще не была полностью ликвидирована, Китай уже сделал все возможное, чтобы помочь другим странам, ох-

важным вирусом: его собственный противоэпидемический опыт еще больше способствует предотвращению эпидемии в мире. По мнению руководителя совместной группы экспертов Китая и ВОЗ по исследованию COVID-19 и старшего советника генерального директора ВОЗ Б. Эйлварда, стратегия страны в отношении COVID-19 осуществлялась с учетом выводов, сделанных после исследования обстоятельств начала эпидемии, и может служить примером для остального мира. Совместные усилия по реагированию на международные чрезвычайные ситуации в области общественного здравоохранения и совершенствованию механизмов глобальной безопасности общественного здравоохранения по-прежнему являются единственным правильным выбором для стран. Перед лицом серьезной проблемы COVID-19 люди всех стран должны работать вместе и сплотиться. Только тогда они смогут добиться победы.

На наш взгляд, пандемия COVID-19 является чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, новый вирус – общий враг человечества. После завершения эпидемии Китай обобщит накопленный опыт, глубже интегрируется в глобальную систему управления здравоохранением и активизирует реформу национальной системы здравоохранения, усилит подготовку международного медико-санитарного персонала, установит более тесное сотрудничество с ВОЗ и увеличит помощь странам, где это необходимо.

Библиографические ссылки

1. 晋继勇.浅析公共卫生外交 // 外交评论. 2008. № 104. С. 82–83. = Цзюнь Ц. Анализ дипломатии общественного здравоохранения // Дипломатический обзор. 2008. № 104. С. 82–83 (на кит. яз.).
2. *Aginam O. Diplomatic Rhetoric or Rhetoric Diplomacy // Hamp-Shire, 2007. P.147.*

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ КНР (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Ши Даньдань

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, Минск, Республика Беларусь, 220030
1549006127@qq.com*

Характеризуются цели, задачи, организационная структура, основные направления, результаты и перспективы деятельности институтов Конфуция; рассмотрены их место и роль в реализации инициативы «Один пояс, один путь». Объект исследования – деятельность институтов Конфуция в мире. Предмет исследования – историография институтов Конфуция. Цель исследования – характеристика основных научных публикаций, посвященных институтам Конфуция, на китайском и русском языках. Актуальность исследования состоит в недостаточной разработанности этого вопроса, а также значимости китайско-белорусского партнерства для обеих сторон. Новизна исследования – впервые в белорусской историографии определены основные эксперты и исследовательские центры по проблеме. Практическая значимость исследования – в ценности для Республики Беларусь китайского опыта по продвижению национального языка и культуры в мире.

Ключевые слова: внешняя культурная политика Китая; инициатива «Один пояс, один путь»; Институт Конфуция; публичная дипломатия; культурная дипломатия; историография.

CONFUCIUS INSTITUTE AS A TOOL TO IMPLEMENT CHINA'S FOREIGN CULTURAL POLICY (HISTORIOGRAPHICAL ASPECT)

Shi Dandan

*Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, Minsk, Belarus, 220030
1549006127@qq.com*

Based on the analysis of the Chinese and Russian-language historiography of the Confucius institutes identified by the author, their goals, objectives, organizational structure, main directions, results and prospects of activity are characterized; Study the status and role of Confucius Institutes in the implementation of “One Belt, One Road”. The purpose of the study is to characterize the main scientific publications on Confucius institutions in Chinese and Russian. The object of the research is the activities of Confucius institutions in the world. The subject of research is the historiography of Confucius institutions. The relevance of the study lies in the insufficient elaboration of this issue, as well as the significance of the Chinese-Belarusian partnership for both sides. The novelty of the research – for the first time in the Belarusian historiography, the main experts and research centers on the problem have been identified. The practical significance of the research lies in the value of the Chinese experience in promoting the national language and culture in the world for the Republic of Belarus.

Keywords: China’s foreign cultural policy; the One Belt, One Road Initiative; Confucius Institute; public diplomacy; cultural diplomacy; historiography.

Со времени основания первого Института Конфуция (Сеул, ноябрь 2004 г.) их число стремительно росло, и к осени 2020 г. составило 541 институт и 1170 классов Конфуция в 162 странах [1]. В условиях количественного и качественного роста таких учреждений, а также исходя из значимости их деятельности по реализации целей и задач внешней политики КНР, китайские и зарубежные ученые начали активно изучать этот феномен.

Профессор Цзинь Чжиган (Центр международного образования Ляонинского педагогического университета) обобщил достижения и проблемы почти 200 институтов Конфуция в Европе [2]. Доцент Ян Бинь (Цзянсуский педагогический университет), рассматривая культурную миссию институтов Конфуция в США в условиях мультикультурализма, считает, что она состоит в распространении ключевых культурных ценностей Китая, «гармонии многообразного и несходного» в условиях мультикультурализма [3]. Сюй Лихуа, директор отдела продвижения китайского языка за рубежом при Чжэцзянском педагогическом университете, изучала историю и состояние распространения китайского языка в 12 африканских странах и обосновала вывод, что институты Конфуция стали важной платформой для китайско-африканских культурных обменов и сотрудничества в области образования [4]. По срав-

нению с институтами Конфуция в других регионах мира, в Африке они обладают более разнообразными функциями: помимо распространения китайского языка и культуры, занимаются профессиональным образованием. Такой вывод содержится и в исследовании Сюй Юнлянь (руководитель проекта преподавательских кадров Института Конфуция) [5]. Теорию и практику культурной коммуникации институтов Конфуция в Центральной Азии изучает профессор Ли Цзяньцзюнь (Центр Синьцзянского педагогического университета по исследованию международного образования Центральной Азии) [6].

Китайские ученые исследуют роль и функции институтов Конфуция в контексте публичной и культурной дипломатии, а также инициативы «Один пояс, один путь». Профессор Ли Дань (Сямэньский университет) проанализировала роль, уникальные преимущества и эффективность институтов Конфуция в странах-соседях для реализации инициативы «Один пояс, один путь» [7]. Ван Дуань (Цзилиньский университет) отмечает, что институты Конфуция как «бренд китайской культурной дипломатии» сыграли важную роль в продвижении национального языка и культуры и усилении «мягкой силы» страны [8]. Чжао Чэнсинь (Международный институт Европы и Азии при Хэнанском университете) считает, что институт Конфуция выполняет шесть функций, среди которых образование и культурные обмены являются основными [9].

Чэн Цзюнь сосредоточил внимание на форме и содержании университетского сотрудничества между Китаем и 64 странами, расположенными вдоль «Пояса и Пути», изучив строительство и особенности их функционирования, а также их уникальную роль в продвижении межличностных связей [10].

«Институт Конфуция в вопросах и ответах» профессора Лю Чэна (Южнокитайский технический университет) – пример первой научно-популярной книги по этой тематике [11]. Ван Шаньшань (Телинский педагогический институт) провела исследование роли институтов Конфуция в международном распространении национальной культуры и убедительно показал, что они усиливают международное влияние и мягкую силу Китая, формируют позитивный имидж страны, ускоряют реализацию инициативы «Один пояс, один путь» [12].

Ли Вэй (заместитель директора Центра по изучению культурной коммуникации Центральнокитайского педагогического университета) исследовал практику и перспективы Института Конфуция по ознаком-

лению зарубежной аудитории с китайскими кинематографом и телевидением [13]. Ху Сюэли (Хэйлунцзянский университет) изучала роль институтов в распространении китайской музыки [14], профессор Чэн Фан (Пекинский университет китайской медицины) – роль в распространении знаний о возможностях китайской медицины [15].

Помимо культурных аспектов деятельности, китайские ученые также изучали влияние институтов Конфуция на внешнюю торговлю Китая, экспорт культурной продукции и иностранные инвестиции. Профессор Цюй Жусяо (Институт бизнеса Пекинского педагогического университета) рассмотрела влияние институтов Конфуция на экспорт культурной продукции, отметив перспективность этого направления [16].

Китайские ученые сравнивают Институт Конфуция с зарубежными подобными организациями по продвижению национальных языков. Например, профессор Цай Цуйхуна (Центр американских исследований Университета Фудань) сравнила деятельность институтов Конфуция и Институтов Гете в США как инструментов публичной дипломатии Пекина и Берлина, а также выделила проблемы в их функционировании [17].

Исследование имиджа институтов Конфуция также привлекло внимание китайских исследователей. Например, профессор Ян Ин (Сямэньский университет) проводила исследование имиджа институтов в зарубежных академических кругах [18]. Профессор Ли Жун (Чжэцзян Гуншанский университет) изучала статус, мотивацию и влияние медийных образов, представленных Институтом Конфуция в китайских и зарубежных СМИ [19].

В русскоязычных исследованиях деятельность институтов Конфуция также находит отражение. Например, российский эксперт С. В. Михневич проанализировал развитие сети институтов Конфуция как инструмента реализации политики «мягкой силы» КНР в Большой Восточной Азии, рассмотрел их структуру и основные принципы деятельности, а также роль штаб-квартиры институтов Конфуция Ханьбань (Канцелярия по распространению китайского языка за рубежом) при Министерстве образования КНР [20]. В диссертации Ван Шо (Российский университет дружбы народов) подробно рассмотрена особая роль институтов в продвижении китайского языка и культуры [21]. Ян Синцзюань (БГУ) проанализировала состояние и перспективы деятельности институтов Конфуция в Беларуси [22].

Таким образом, сложилась достаточно обширная и разносторонняя китайская историография деятельности институтов Конфуция. Эта структура, накопленный ею успешный опыт по формированию пози-

тивного образа Китая в мире вызывает интерес не только у исследователей, но и у политиков, организаторов образования и культуры, в том числе Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Немного о Институте Конфуция [Электронный ресурс] // Ханьбань. URL: http://www.hanban.org/confuciousinstitutes/node_10961.htm (дата обращения: 05.10.2020).

2. *Цзинь Чжиган, Чжэн Цзежу.* Анализ культурной деятельности Институтов Конфуция в Европе: на основе новостей официального сайта Ханьбань // Журн. культуры. 2019. № 9. С. 127–131.

3. *Ян Бинь.* Культурная миссия Институтов Конфуция в США в контексте мультикультурализма // Вестн. Хубэйс. экон. ин-та. 2019. № 2. С. 96–98.

4. *Сюй Лихуа.* История и перспективы институтов Конфуция в Африке. Шанхай, 2018. 291 с.

5. *Сюй Юнлянь.* Профессионально-техническое образование: новое направление развития институтов Конфуция в Африке // Высшее образование. 2019. № 17. С. 23–25.

6. *Ли Цзяньцзюнь, Го Вэйдун.* Теория и практика культурной коммуникации институтов Конфуция в Центральной Азии. Тяньцзинь, 2019. 319 с.

7. *Ли Дань.* Затруднение общественного мнения в отношении инициативы «Один пояс и один путь» и публичная дипломатия Китая: на примере институтов Конфуция // Вестн. Партийн. шк. провинции Гуйчжоу. 2019. № 6. С. 46–52.

8. *Ван Дуан.* Исследование институтов Конфуция с точки зрения культурной дипломатии: на примере институтов Конфуция в Канаде : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04. Чанчунь, 2019. 135 л.

9. *Чжао Чэнсинь.* Функция и практика Института Конфуция в рамках инициативы «Один пояс и один путь» // Вестн. Хэнаньского ун-та. 2020. № 2. С. 131–137.

10. *Чэн Цзюнь, Цю Яньцзюнь.* Интеллектуальный «шелковый путь»: сотрудничество университетов в странах, расположенных вдоль Пояса и Пути. Чэнду, 2017. 222 с.

11. *Лю Чэн.* Институт Конфуция в вопросах и ответах. Гуанчжоу, 2017. 64 с.

12. *Ван Шаньшань.* Роль и миссия Институтов Конфуция в международном распространении китайской культуры // Вестн. пед. ин-та Ляонин. 2019. № 2. С. 110–114.

13. *Ли Вэй*. Состояние и реализация распространения китайского кино и телевидения в рамках Института Конфуция // Вестн. Центр.-Кит. пед. ун-та. 2019. № 3. С. 76–84.

14. *Ху Сюэли, Чэн Цзиньфэн*. Кун цзы сюэ юань: состояние и перспективы распространения китайской музыки // Журн. культуры и распространения. 2018. № 6. С. 81–85.

15. *Чэн Фан, Чжан Даньин*. Роль и развитие Института Конфуция в распространении культуры китайской медицины за рубежом // Всемир. журн. интегрир. традиц. и запад. медицины. 2020. № 8. С. 1557–1564.

16. *Цюй Жусяо, Цзэн Яньпин*. Влияние институтов Конфуция на экспорт китайской культурной продукции // Исслед. по экономике и менеджменту. 2016. № 9. С. 69–76.

17. *Цай Цуйхун, Хуан Цзылин*. Сравнительный анализ Института Конфуция и Института Гете в США с точки зрения публичной дипломатии // Информ. об образовании в мире. 2019. № 24. С. 14–20.

18. *Ян Ин*. Исследование имиджа институтов Конфуция в зарубежных академических кругах // Мировое распространение. 2019. № 3. С. 79–89.

19. *Ли Жун*. Исследование имиджа институтов Конфуция в СМИ. Ханчжоу, 2020. 154 с.

20. *Михневич С. В.* Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети институтов Конфуция как инструмент реализации политики «мягкой силы» КНР в Большой Восточной Азии // Вестн. междунар. орг. 2015. № 1. С. 80–117.

21. *Ван Шо*. Институт Конфуция как инструмент культурной дипломатии Китая (2004–2017 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 / Рос. ун-т дружбы народов. М., 2018. 185 л.

22. *Ян Синцзюань*. Деятельность Института Конфуция в Беларуси: состояние и перспективы // Беларусь в современном мире : материалы XVI Междунар. науч. конф., посвящ. 96-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 25 окт. 2017 г. / редкол. : В. Г. Шадурский (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2017. С. 83–85.

ПРОБЛЕМАТИКА ГДР В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОСЛЕ 1990 г.: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

И. И. Ковяко

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, Минск, Республика Беларусь, 220030
klq2034@mail.ru*

Определены политические и институциональные основы изучения восточногерманской проблематики в США и Великобритании после 1990 г. Установлены основные научные подходы, в рамках которых осуществлялось изучение истории Германской Демократической Республики (ГДР) в англо-американской историографии. Проанализированы наиболее популярные категории работ с учетом их содержания и использованной методологии. Сделан вывод о том, что значительное расширение источниковой базы исследования до сих пор не привело к появлению классической работы и разработке кейса ГДР, который мог быть использован исследователями других направлений и тем.

Ключевые слова: англо-американская историография; политическая история; социальная история; тоталитарный подход; автономный подход; кейс ГДР.

THE GDR STUDIES IN ANGLO-AMERICAN HISTORIOGRAPHY AFTER 1990: BASIC APPROACHES AND INTERPRETATIONS

I. I. Kaviaka

*Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, Minsk, Belarus, 220030
klq2034@mail.ru*

The political and institutional foundations of East German studies in the United States and Great Britain after 1990 determined. The main scientific approaches to the study of the GDR history in Anglo-American historiography established. The most popular categories of works analyzed, taking into account their content and the methodology used. It is concluded that a significant

expansion of the source base of the East German studies has not led to the emergence of a classical work and the development of a GDR case, which could be used by researchers working in other areas.

Keywords: Anglo-American historiography; political history; social history; totalitarian approach; autonomous approach; GDR case.

Германская Демократическая Республика прекратила свое существование более 30 лет назад, однако ее прошлое продолжает вызывать интерес. Актуальность подобного рода исследований объясняется тем, что наследие ГДР по-прежнему влияет на экономическую жизнь объединенной Германии, ее политическую и социальную культуру. Республику можно рассматривать в качестве эксперимента построения социализма, и в таком случае она становится потенциальной моделью изучения социализма советского типа, которую может использовать при изучении других социалистических государств Европы, архивы которых недоступны исследователям [1, с. 3].

В начале 90-х гг. XX в. немецкий писатель С. Хайм высказал опасения, что ГДР превратится в простую «сноску в мировой истории». Однако значительное количество работ, опубликованных по данной проблематике после 1989 г., несколько развеяло эти опасения. Открытие архивов без учета срока давности документов предоставило ученым богатейшую базу для исследований. Контраст был разительным с учетом того, что до 1989 г. очень узкий круг британских и американских историков специализировался на восточногерманской тематике. Одновременно англо-американская историография зарекомендовала себя как более оригинальная и менее политизированная по сравнению с работами немецких ученых, подготовленных в подавляющем большинстве авторами из Западной Германии.

Политические и институциональные основы изучения восточногерманской проблематики. Изучение восточногерманской проблематики в США в годы «холодной войны» сложно назвать популярным направлением исследований. Американская ассоциация исследований ГДР, объединявшая университетскую профессию, на пике своего существования насчитывала только 36 членов. Впоследствии она была включена в структуру Американской ассоциации развития славянских исследований (AAASS). В 70–80-е гг. XX в. ГДР была заинтересована в развитии академического обмена и иницииро-

вала приглашение ряда американских германистов для проведения тематических исследований. Однако многие темы оставались недоступны для изучения. До 80-х гг. XX в. в американских университетах отсутствовало изучение ГДР в рамках курсов по истории и политологии. И даже после того, как Ассоциация германских исследований призвала изучать послевоенный период, ситуация мало изменилась. Вашингтон предпочитал игнорировать сам факт существования ГДР настолько это было возможно. Она являлась «государством, которого буквально не существовало». И это имело прямые последствия для развития восточногерманских исследований в США. Программы Госдепартамента, которые были направлены на поддержку восточноевропейских исследований, не предусматривали финансирование проектов по проблематике ГДР. Федеративная Республика Германия, напротив, изучалась достаточно интенсивно. В 1991 г. Германский исторический институт в Вашингтоне сформировал сообщество друзей, в которое вошли Американская историческая ассоциация, Ассоциация германских исследований, Общество германо-американских исследований. Однако это не привело к резкому увеличению числа фундаментальных научных работ по истории ГДР. Одной из причин являлся отказ Госдепартамента выделять финансирование на проведение восточногерманских исследований. По выражению профессора Университета Аризоны Дж. Кляйнфельда, феномен ГДР во многом остался для американских исследователей *terra incognita* [2].

В Великобритании ситуация с изучением ГДР в годы «холодной войны» была изначально лучше. Лейбористская партия не избегала контактов с ГДР, общий климат для развития восточногерманских исследований был более благоприятным, чем в США. Жесткий курс на непризнание ГДР рассматривался как противоречащий политическим реалиям и следующий в русле политики ФРГ. Внутри лейбористской партии и британского правительства постоянно шел поиск альтернативных путей решения проблемы. Главным мотивом лейбористов был не страх перед ренацифицированной и ремилитаризированной ФРГ, а соображения мира и безопасности в Европе. В 1965 г. был создан Центр информационного обмена Великобритания – Демократическая Германия, с 1973 г. начало функционировать британско-восточногерманское общество дружбы, которое взяло на себя в том числе организацию конференций и программ обмена. В конце 60–70-х гг. XX в. именно в бри-

танской историографии сформировался марксистский подход к изучению истории Германии и появились первые исследования в области социальной истории [3].

В 1990–2000-е гг. в Великобритании вышло значительное количество работ (статьи, коллективные и индивидуальные монографии), посвященных феномену ГДР. Главным образом они посвящены проблемам социокультурной истории, в меньшей степени – политической. Ведущими центрами изучения восточногерманской проблематики стали Ноттингемский университет, Школа славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета, Университетский колледж Лондона. Созданный в Лондоне в 1976 г. Германский исторический институт, как и его американский аналог, сосредоточился преимущественно на изучении ФРГ. В целом, германская проблематика вызывала повышенный интерес в Великобритании. К 2010 г. не менее 11 % британских историков специализировались на германской истории, что являлось самым высоким показателем за пределами Германии [4].

Расширение источниковой базы исследований. После краха ГДР ее архивы оказались открыты для исследователей. В центре внимания ученых оказались материалы архивов МГБ (Штази) в Берлине, Дрездене и Лейпциге, бывшего Государственного архива ГДР в Потсдаме и архива СЕПГ в Берлине. Определенные затруднения существовали только с доступом к материалам архива МИД ГДР, который перешел в распоряжение МИД ФРГ. Министерство объединенной Германии приняло решение применить 30-летний срок давности к этим документам. Однако копии многочисленных материалов МИД ГДР содержатся в архиве СЕПГ, что значительно упростило работу исследователей. В объединенной Германии возникли центры исследований, которые сконцентрировались главным образом на изучении истории ГДР: Центр исторических исследований в Потсдаме, Институт истории в Берлине, Институт тоталитарных исследований Ханна Арендт и Союз исследователей государства СЕПГ в Свободном университете Берлина. Последние два, с точки зрения британских и американских исследователей, являются достаточно консервативными и опираются на тоталитарный подход [1, с. 4; 5].

Основные подходы к изучению ГДР. В 90-х гг. XX в. при изучении ГДР широко применялся тоталитарный подход. Однако, по сравнению с немецкой историографией, он не был столь востребованным

англо-американскими исследователями. Они считали его слишком негибким и неспособным объяснить всю глубину изменений внутри правящего режима. Американские и преимущественно британские ученые признавали наличие диктаторской модели в ГДР, вместе с тем они развивали дискуссии о роли восточногерманского общества в истории государства, анализировали степень его автономности, основные направления развития [6, с. 639]. Можно утверждать, что изучение ГДР в англо-американской историографии осуществлялось в рамках двух основных подходов: тоталитарный и автономный. Последний как раз предполагал учет определенной самостоятельности общества и культуры ГДР. В XXI в. при изучении восточногерманской проблематики все чаще используется междисциплинарный подход. Внимание исследователей все чаще привлекает социальная история, история повседневности, персональная история [7]. Достаточно популярными остаются темы, связанные со становлением и функционированием системы образования в ГДР, а также массовой культуры. Авторами были пересмотрены жесткие оценки политической системы ГДР. В частности, признано, что разрыв в гражданских правах между жителями ГДР и западных стран был искусственно преувеличен. Активная антифашистская идеологическая работа в школах названа важным элементом свободы политической культуры ГДР [8; 9].

Основные группы публикаций. Все работы, изданные британскими и американскими исследователями после 1990 г., можно разделить на две основные и одну дополнительную группу. К числу основных относятся публикации по политической и социальной истории. Политическая история являлась единственным направлением изучения проблематики ГДР вплоть до 80-х гг. После 1990 г. она стала уступать позиции социальной истории, однако до настоящего времени не утратила своей актуальности и популярности. Работы по политической истории сосредоточены на анализе природы политической власти, механизмов принятия решений, изучении внешней политики ГДР и ее места в системе международных отношений. Для данной категории работ характерно восприятие восточногерманского общества в качестве пассивного субъекта, который не оказывал существенного влияния на исторический процесс [10–14].

В публикациях по социальной истории, напротив, уделено особое внимание социальной структуре ГДР, деятельности обществен-

ных организаций, религиозных институтов, вопросам производства и потребления, массовой культуре, а также истории жизни отдельных граждан, через призму которой демонстрируется развитие восточногерманского общества и государства [15–18]. Несмотря на высокую популярность, социальная история ГДР имеет свои проблемные места, которые периодически превращаются в предмет академического спора между историками из разных стран. В частности, представители англо-американской историографии склонны критиковать немецких коллег за злоупотребление «диктаторской моделью» и недооценку роли общества в развитии восточногерманского государства [6, с. 653; 19].

В качестве дополнительной группы исследований следует отметить национальную историю, которая представляет попытку создания общей истории ФРГ и ГДР. Работы в русле национальной истории впервые стали появляться в немецкой историографии, что было обусловлено конкретно-историческими событиями и потребностями 1990-х гг. Однако, с точки зрения англо-американских исследователей, изучение ГДР целесообразно проводить в рамках истории социалистических государств. Попытки совместить историю ФРГ и ГДР в одной публикации не приобрели большой популярности в англо-американской историографии.

Отсутствие классического образца научной работы. Задача конструирования кейса ГДР. Несмотря на то, что с 1990 г. историография пополнилась тысячами публикаций по истории ГДР, ни одна из них не стала образцовой для историков, работающих в других областях. Относительная бедность исследований объясняется тем, что незначительное количество ученых действительно воспользовались открытыми архивами и провели тщательную работу с документами [11; 20–22]. Главным образом публикации по истории ГДР – это работы студентов-выпускников, представивших к защите диссертационные исследования. В такой ситуации актуальной задачей ученых остается кропотливая работа с источниками и поиск оригинальных путей их интерпретации. Результатом может стать конструирование определенной научной модели – кейса ГДР – которая окажется востребованной среди исследователей других проблемных полей. Выход восточногерманских исследований на подобный уровень навсегда избавит ГДР от потенциального статуса «сноски в мировой истории».

Библиографические ссылки

1. *Ross C.* The East German dictatorship: Problems and perspectives in the interpretation of the GDR. London, 2002. 221 p.
2. *Kleinfeld G.* The genesis of American policy toward the GDR: some working hypothesis // The American impact on postwar Germany / ed. by R. Pommerin. Oxford, 1995. P. 53–64.
3. *Berger S., Lilleker D.* The British labour party and the German Democratic Republic in the era of non-recognition // The Historical J. 2002. Vol 5. № 2. P. 448.
4. *Hodenberg C. Eley G., Gregor N.* Is there a British approach to German history? // Journal of Modern European History. 2016. Vol. 14. № 3. P. 297–314.
5. *Sarotte M.* Dealing with the devil. East Germany, détente, and Ostpolitik, 1969–1973. London, 2001. P. 182.
6. *Epstein C.* East Germany and its history since 1989 // J. of Modern History. 2003. Vol. 75. № 3. P. 634–661.
7. The GDR today: new interdisciplinary approaches to East German history, memory and culture / ed.: S. Ehrig, M. Thomas, D. Zell. Oxford ; N. Y., 2018. 289 p.
8. *Blessing B.* The antifascist classroom: Denazification in Soviet-occupied Germany, 1945–1949. [Electronic resource]. URL: <http://ebookcentral.proquest.com/lib/rsl-ebooks/detail.action>. (date of access: 17.01.2019).
9. *Fulbrook M.* The people's state: East German society from Hitler to Honecker. New Haven, 2008. 352 p.
10. *Childs D.* The fall of the GDR: Germany's road to unity. London ; N. Y., 2014. 386 p.
11. *Naimark N.* The Russians in Germany. A history of the Soviet zone of occupation, 1945–1949. Cambridge, 1996. 586 p.
12. *Pritchard G.* The making of the GDR, 1945–1953. From antifascism to Stalinism. Manchester, 2000. 244 p.
13. *Berger S., LaPorte N.* Friendly enemies. Britain and the GDR, 1949–1990. N. Y., 2015. 363 p.
14. Comrades of color: East Germany in the Cold War world / ed. by Q. Slobodian. N. Y. ; Oxford, 2015. 325 p.
15. *Grix J.* The role of the masses in the collapse of the GDR. London, 2000. 213 p.
16. *Straughn J. B.* How memory divides. N. Y., 2021. 228 p.
17. *Plum C.* Antifascism after Hitler: East German youth and socialist memory, 1949–1989. N. Y., 2015. 284 p.
18. *Conacher J. E.* Transformation and education in the literature of the GDR. Rochester, N. Y., 2020. 293 p.

19. Dictatorship as experience: Towards a socio-cultural history of the GDR / ed. by K. Jarausch. N. Y. ; Oxford, 1999. 402 p.

20. *Maier Ch. S.* Dissolution: The crisis of communism and the end of East Germany. Princeton, 1997. 440 p.

21. *Fulbrook M.* Anatomy of a dictatorship: Inside the GDR, 1949–1989. Oxford, 1995. 320 p.

22. *Fulbrook M.* A history of Germany, 1918–2008. The divided nation. Oxford, 2009. 737 p.

О МЕТОДОЛОГИИ И ИСТОРИОГРАФИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СССР, УКРАИНСКОЙ ССР И БЕЛОРУССКОЙ ССР В ООН

В. Е. Снапковский

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, г. Минск, Республика Беларусь, 220030
ulsnap44@inbox.ru*

Анализируются проблемы методологии и историографии деятельности СССР, УССР и БССР в ООН, исследуемые в советский и постсоветский периоды в белорусской, российской, украинской и западной научной литературе. Характеризуются методологические подходы и программно-теоретические установки (исследовательские парадигмы), получившие распространение в разработке проблемы «союзные республики и советская дипломатия». При исследовании автор определяет и описывает методологические подходы, используемые в исторической, юридической, политической науках: союзно-республиканский, самостоятельно-зависимый, историко-правовой. Эти подходы или исследовательские парадигмы рассматриваются через призму научной литературы, посвященной деятельности СССР, УССР и БССР в ООН.

Ключевые слова: Советский Союз; Украинская ССР; Белорусская ССР; Организация Объединенных Наций; внешняя политика; дипломатия; методология; историография; исследовательские парадигмы.

ON THE METHODOLOGY AND HISTORIOGRAPHY OF RESEARCHING THE ACTIVITIES OF THE USSR, UKRAINIAN SSR AND BELARUSIAN SSR IN THE UN

U. E. Snapkouski

*Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, Minsk, Belarus, 220030
ulsnap44@inbox.ru*

The article analyzes the problems of methodology and historiography of the activities of the USSR, the Ukrainian SSR and the Belarussian SSR in the UN, studied in the Soviet and post-Soviet periods in the Belarussian, Russian,

Ukrainian and Western scientific literature. The methodological approaches and program-theoretical attitudes (research paradigms) that have become widespread in the development of the problem “Union republics and Soviet diplomacy” are characterized. The author defines and describes the methodological approaches used in historical, legal, and political sciences in the study of this problem: the Union-republican, independent-dependent approach, consideration of Union-republican interests, historical and legal approach. These approaches or research paradigms are considered through the prism of their reflection in the scientific literature devoted to the activities of the USSR, the Ukrainian SSR and the BSSR in the UN.

Keywords: Soviet Union; Ukrainian SSR; Belarusian SSR; United Nations; foreign policy; diplomacy; methodology; historiography; research paradigms.

К настоящему времени в исследовании деятельности СССР, УССР и БССР в ООН, охватывающей 1945–1991 гг., в белорусской, российской и украинской историографии сложилось несколько методологических подходов и программно-теоретических и идеологических установок, краткая характеристика которых дана в статье. В более широком плане можно называть их также исследовательскими парадигмами, хотя это понятие не равнозначно методологическим подходам и установкам. Описанный ниже методологический инструментарий имеет прямое отношение к исторической, юридической, политической наукам и формирующейся на основе этих и других отраслей знаний науке о международных отношениях, которая пока, в силу разных причин, не заняла подобающего ей места среди социальных наук.

Охарактеризованные ниже исследовательские парадигмы, названия которых предложены автором, отражают как традиции изучения проблемы «союзные республики и советская дипломатия», сложившиеся в советские времена, так и новации, применяемые исследователями в постсоветский период [1, с. 16–20]. Основное внимание будет уделено белорусской, российской и украинской историографиям проблемы, которые в годы существования СССР придерживались одинаковых позиций в изучении деятельности трех советских делегаций в ООН, поскольку иное принципиально исключалось [2–5]. При этом российская историография не выступала как отдельная национальная научная школа, а приравнивалась к общесоюзной. После распада СССР в исторической науке новых независимых государств сформировались национальные историографические школы. Во второй части статьи речь пойдет о западной историографии изучения

проблемы «союзные республики и советская дипломатия» применительно к анализу деятельности СССР, УССР и БССР в ООН.

Союзно-республиканский подход призван обеспечить учет и сочетание общесоюзной и республиканской парадигм к исследованию внешнеполитической деятельности СССР и союзных республик. В советский период он был превалирующим среди исследователей, в основном ориентировался на использование инструментария правовой науки (государственного и международного права), однако его эффективность как метода познания была довольно ограниченной. Белорусские и украинские ученые показывали деятельность своих республик в ООН преимущественно как иллюстративный материал к внешней политике и дипломатии Союза. Глубоких и содержательных выводов такой подход не предполагал, ограничиваясь примерами того, как инициативы БССР и УССР в области разоружения дополняли и развивали общесоюзные предложения [6–11].

В постсоветский период исследователи смогли значительно обогатить и развить союзно-республиканский подход, так как получили возможность проникнуть в механизмы разработки и принятия внешнеполитических решений Центром (Политбюро ЦК КПСС и МИД СССР), изучать их через призму национально-государственных интересов Союза и республик. С точки зрения республиканской системы внешнеполитической деятельности ученые могут более глубоко и широко отражать вклад ЦК компартий Беларуси и Украины, МИД республик в разработку, проведение и принятие в ООН союзных и республиканских инициатив [5; 12–14].

Второй подход выражает степень самостоятельности и зависимости внешнеполитической деятельности союзных республик от союзного центра (условное название – *самостоятельно-зависимый подход*). Он тесно связан с союзно-республиканским подходом, но рассматривает внешнеполитическую деятельность Союза и республик преимущественно с предметно-содержательной стороны, в то время как первый подход ориентирован на формально-правовую область исследования. Среди советских ученых, работавших как в союзных, так и республиканских учреждениях, такой подход, предполагавший, в частности, выяснение самостоятельности и подчиненности республиканских МИД союзному министерству и разную степень их субординации по государственной и партийной линиям, не мог получить поддержки и распро-

странения. Это же утверждение относится к автору данной статьи [15–17, с. 386–387; 18].

Самостоятельно-зависимый подход использовался западными авторами, показавшими на примере украинской делегации в ООН проявления «украинского стиля советской дипломатии» (К. Савчук) [19]. Автор, опираясь на достижения североамериканской (США – Канада) школы внешнеполитических исследований советских республик [20; 21], большой вклад в которую внесли представители украинской диаспоры [19; 22], раскрыл особенности дипломатического стиля представителей БССР в ООН в первое послевоенное десятилетие [23; 24]. В наших дальнейших исследованиях, развивавших положение Конституции БССР 1978 г. о «внешнеполитической деятельности республики», было сформулировано понятие «белорусский отряд советской дипломатии» [25].

В работе использован также исследовательский подход, предусматривающий учет национально-государственных интересов Союза и республик в их внешнеполитической деятельности (*подход учета союзно-республиканских интересов*). О национально-государственных интересах СССР как федеративного государства политики, дипломаты и ученые стали говорить во времена перестройки, а на официальном уровне это было сделано в отчете союзного МИД о внешнеполитической и дипломатической деятельности СССР в 1989–1990 гг. [26]. Многие тогда обнаружили сложность выявления, учета и сочетания в внешнеполитическом курсе СССР интересов Союза и республик (одной, нескольких или целой региональной группы). В период холодной войны советское руководство не могло или не хотело принимать во внимание особые интересы республик, что могло бы привести, по его мнению, к ослаблению силы всего федеративного союза в конфронтации с Западом. Это объясняет, в частности, то, что конституционные положения об установлении дипломатических отношений союзных республик с зарубежными государствами не были реализованы. Подход, учитывающий и сочетающий союзно-республиканские интересы, стал новым явлением в деятельности союзного МИД под руководством Э. А. Шеварнадзе, хотя и здесь он достигался с определенным трудом (торможение белорусской черной инициативы или предложения о безъядерной зоне в восточноевропейском регионе) [27].

В советский период исследователи не могли использовать категорию «национальные интересы» как на федеральном, так и республиканском

уровнях, поскольку подобных понятий внешнеполитическая доктрина СССР не разработала, заменяя их принципами ленинской внешней политики и пролетарского (социалистического) интернационализма. В постсоветских исследованиях категория «национальные интересы» республики на примере УССР получила определенное обоснование в украинской историографии, раскрывающей отсутствие, игнорирование или ущемление этих интересов в общесоюзной внешнеполитической стратегии и тактике [5, с. 559]. В современной белорусской литературе национальные внешнеполитические интересы БССР осмысливаются прежде всего в контексте предложений, направленных на преследование военных преступников, решение проблемы беженцев и перемещенных лиц, послевоенное мирное урегулирование в Европе, участие в деятельности специализированных учреждений ООН (ЮНЕСКО, МОТ и др.) [13; 14; 24; 27].

Изучение внешней политики федеративного государства предполагает использование методов исторической, юридической, а также частично политической и других социальных наук (*историко-правовой подход*). В советской литературе подходы историков и правоведов к внешнеполитической деятельности СССР отличались и даже как бы искусственно изолировались друг от друга, несмотря на близость предметов и объектов исследования. Советская доктрина международного права исходила из аксиомы, что союзные республики являются равноправными субъектами международного права [28; 29]. Юристы-международники понимали догматизм этого утверждения, особенно в годы перестройки, но не могли выступить с его опровержением или поставить под сомнение. Историки, опираясь на конкретно-исторический материал, видели все несоответствие этого тезиса в практике международных отношений и внешнеполитической деятельности Союза и республик, однако они были вынуждены следовать официальной позиции и доктринальным партийно-государственным установкам.

После распада СССР и краха моноидеологии подходы историков и правоведов к вопросу о международно-правовом и политическом статусе союзных республик существенно сблизились, и сейчас их расхождение в значительной мере преодолены. Усилиями российских исследователей, прежде всего П. П. Кремнева, международно-правовая доктрина Российской Федерации вернулась или возвращается к классическим установкам западной школы о том, что союзные республики являлись

субъектами международного права особого рода с частичной международно-правовой субъектностью или ограниченным политико-правовым статусом [30]. Белорусские, российские, украинские историки показывают, что конституционная реформа 1944 г. имела четкие политические цели, направленные на вывод республик на международную арену для усиления влияния СССР, в том числе за счет дополнительных голосов в новой международной организации и на международных конференциях [5; 12; 23; 30]. Историко-правовой подход помогает уяснить главную особенность внешнеполитической деятельности союзных республик, заключающуюся в том, что они, имея формально-юридически всю полноту внешнеполитических полномочий, могли ими воспользоваться только в ограниченной степени.

Важнейшей предпосылкой глубокого и всестороннего раскрытия темы о месте и роли союзных республик в советской дипломатии является использование документальных источников, архивных материалов, отечественной и зарубежной научной литературы. «Археографическая» и «историографическая» революции, произошедшие в СССР и его государствах-наследниках в конце XX в. (прежде всего в России, получившей в собственность советские архивы), позволили исследователям открыть новые страницы или даже главы истории, пересмотреть старые подходы и оценки, избавиться от изживших себя догм и стереотипов, по-новому посмотреть и оценить действия государств, политиков и дипломатов. В этом же направлении двигался автор, стремясь затушевать «белые пятна» внешнеполитической истории СССР и БССР послевоенного времени [1, с. 7–27].

История деятельности СССР в ООН была довольно популярна среди ученых и читателей в советский период. К юбилейным датам общесоюзные издательства выпускали обобщающие или специальные труды. В 1965 г. вышло два первых тома о деятельности Советского Союза в ООН, в которых, однако, отсутствовали главы об участии БССР и УССР в работе организации. Они впервые появились в 3-м томе, притом белорусская глава была написана министром иностранных дел К. В. Киселевым [3]. Всего было опубликовано шесть томов из этой серии, последний охватывал 1976–1980 гг. и вышел в 1989 г. В последующих после третьего тома книгах глав о деятельности двух республик уже не было. Продукция московских издательств слабо отражала республиканскую тематику. Это объяснялось во многом тем, что

ее разработкой занимались белорусские и украинские ученые. Наиболее плодовитым автором в Беларуси являлся С. Д. Войтович, выпустивший несколько монографий об участии СССР и БССР в ООН [6; 7]. Этой тематикой занимались также Э. А. Лейкин и Л. В. Языкович [18]. Следует отметить вклад работников МИД (министров К. В. Киселева и А. Е. Гуриновича, сотрудников О. А. Тихонова и В. С. Смирнова, защитивших кандидатские диссертации) [2; 3; 8; 9; 15; 16]. Историко-правового подхода придерживались юристы-международники Ю. П. Бровка и Л. В. Власова [28; 31]. Во второй половине 1980-х гг. с грифом МИД вышло два сборника документов и материалов о деятельности делегации БССР на 40-й и 45-й сессиях Генеральной Ассамблеи [32; 33].

Украинская советская школа изучения деятельности Советского Союза в ООН была представлена большим количеством авторов, большей широтой отражения темы и отличалась от белорусской наличием целой группы исследователей в области международного права. К ним относились В. А. Василенко, К. С. Забигайло, В. М. Корецкий, М. В. Яновский и др. [29]. Деятельность УССР на международной арене, в том числе в ООН, рассматривали историки М. М. Белоусов, В. А. Гриневич, В. С. Коваль, М. В. Коваль, Л. О. Лещенко, И. М. Хворостяный и др. [4], дипломаты В. Г. Батюк, В. С. Бруз, А. М. Зленко, В. А. Кравец, Г. И. Удовенко [11; 34]. Украинские ученые опубликовали серию сборников документов и материалов о внешнеполитической и международно-правовой деятельности УССР в 1944–1991 гг. [35].

Проблема роли и места союзных республик в советской дипломатии весьма скупо отражена в фундаментальных изданиях советских ученых «История внешней политики СССР», «История дипломатии» и др., вышедших под редакцией министра иностранных дел СССР А. А. Громыко. В этих работах советская внешняя политика и дипломатия представлены как международно-политическая активность унитарного и моноэтничного государства, которое будто бы не состояло из более чем ста этносов, объединенных в союзные и автономные республики, края и области. Игнорирование «республиканского фактора» в советской внешней политике сильно обедняло эти труды.

Внешнеполитическая деятельность союзных республик, их участие в реализации внешней политики СССР упоминаются в мемуарах

А. А. Громыко только вскользь, что лишний раз подтверждает, что эта проблематика не была ни приоритетной, ни даже сколько-нибудь значимой в его длительной дипломатической работе [36]. Не отражена эта проблема и в сборниках речей и статей видного советского дипломата. А ведь А. А. Громыко на протяжении почти 30 лет руководил внешнеполитическим ведомством федеративного государства, созданного республиками. Как нам представляется, ответ на этот вопрос кроется в истоках и сущности Советского Союза, который формально являлся добровольной федерацией суверенных республик, а фактически – унитарным, жестко централизованным государством имперского типа [17, с. 375–376].

Что касается ученых бывших советских республик, а ныне новых независимых государств, прежде всего Беларуси и Украины, то они, в том числе и автор статьи, в советские времена изучали эту непростую проблему с оглядкой на центр, с исторической и международно-правовой точек зрения, пытаясь ответить на сложные вопросы о суверенитете и самостоятельности республик, их реальных возможностях проведения активной внешней политики, установления дипломатических отношений с иностранными государствами [1; 10].

Распад СССР и развитие новых независимых государств создали качественно новые возможности для научного исследования советской внешней политики и дипломатии, в том числе деятельности БССР и УССР в ООН. Они реализованы в публикациях белорусских авторов И. М. Авласенко, П. К. Кравченко, Р. Г. Романовского, С. Ф. Свилас, В. Е. Снапковского, В. Г. Шадурского [1; 13; 14; 23–25; 27; 37; 38], историко-дипломатических и учебных изданиях по внешнеполитической истории Беларуси [39–41].

Широким фронтом внешнеполитическое наследие СССР, УССР и БССР разрабатывается в Украине. Это публикации историков и правоведов О. Д. Бойко, С. В. Виднянского, В. А. Гриневича, О. Ю. Костенко, А. В. Кульчицкой, А. Ю. Мартинова, С. И. Шевченко, О. В. Шкуратенко [12], очерки и учебные пособия по истории внешней политики и дипломатии Украины, энциклопедические и справочные издания, мемуары дипломатов и политиков [5; 34].

Российские историки специально не занимаются изучением внешнеполитической деятельности БССР и УССР после 1944 г. Однако определенное отражение эта тематика находит в обобщающих трудах по истории международных отношений и деятельности СССР в ООН и работах

по различным аспектам советской дипломатии в международных организациях (А. П. Барышев, И. В. Гайдук, Л. Е. Гришаева, А. В. Козырев) [42–45]. Российские специалисты в области международного права пересмотрели тезис о союзных республиках как субъектах международного права и считают, что они являлись таковыми только в ограниченной степени (П. П. Кремнев и др.) [30]. Отдельные вопросы взаимодействия трех советских делегаций в ООН упоминаются в мемуарах А. М. Белогова, А. А. Громыко, А. А. Рощина, Н. С. Хрущева, других политических деятелей и дипломатов СССР [36; 46].

Загадочная конституционная реформа 1944 г. в СССР вызвала много спекуляций на Западе. После того как А. Громыко раскрыл ее истинный смысл в Думбартон-Оксе, лидеры США и Великобритании потратили немало усилий, чтобы свести ее предназначение к двум «дополнительным голосам» для Москвы. Вместе с политиками над целями и смыслом реформы ломали головы специалисты в области международного права. Первая научная статья появилась в 1948 г. и была написана австрийским правоведом А. Фердроссом. Он, как и другие его западные коллеги, пришел к выводу, что выход союзных республик на международную арену мог бы совершить революцию в международном праве и международных отношениях, если бы СССР не был тоталитарной державой, а правящий режим не контролировал бы республиканское руководство [47]. Так родился получивший широкое признание среди западных ученых тезис о союзных республиках как неполноценных субъектах международного права. В конце 1990-х гг. он постепенно переключался в постсоветскую литературу.

Феномен участия республик в советской внешней политике привлек внимание западных исследователей международных отношений. В 1960 г. вышла книга американского (США) автора, политического эмигранта из СССР В. Аспатуриана «Союзные республики в советской дипломатии», которая впервые глубоко и комплексно представила эту проблему и стала во многом образцом для дальнейшей ее разработки [20]. Исследование вопросов советского федерализма и участия республик в дипломатической деятельности осуществляли западноевропейские и североамериканские историки и правоведы А. Даллин, С. Дюллен, Е. Пейрат, Т. Кис, Д. Никол, К. Савчук, Х.-Ю. Уйбопу и др. [19; 21; 22; 48–50]. В этой группе выделялись публикации выходцев из СССР, особенно из Украины. Участие Беларуси в международных отношениях

освещали представители белорусской диаспоры в США Я. Запрудник, В. Кипель, И. Любачко. Внешнеполитическую деятельность советских республик уже со времен ПНР изучали польские историки (С. Боратынский, В. Ковальский, В. Матерский и др.). В частности, В. Матерский давно и плодотворно занимается исследованием участия союзных республик в создании и деятельности ООН [51; 52].

После активной разработки ооновской тематики в 1960–1980-х гг. в постсоветский период наступило время затухания интереса к ней со стороны исследователей, вызванное необходимостью радикального переосмысления истории советской внешней политики и многосторонней дипломатии. Одним из исключений среди белорусских авторов были наши работы о внешнеполитической деятельности БССР в 1944–1953 гг. [23; 24]. В начале XXI в., особенно во второй его декаде, вышли в свет обстоятельные и содержательные публикации С. Ф. Свилас, Р. Г. Романовского, И. М. Авласенко, подкрепленные политическим и научным авторитетом министра иностранных дел БССР/Республики Беларусь П. К. Кравченко, опубликовавшим свои дипломатические записки, воспоминания и документы [27; 32; 38]. В этих работах нашли в той или иной мере отражение описанные нами методологические подходы и исследовательские парадигмы, развитые и доработанные с учетом как предмета и объекта исследования, так и поставленных целей и задач. В документальных изданиях о внешней политике Беларуси и политике иностранных государств относительно нашей страны был введен в научный оборот большой массив архивных источников и документов внешней политики соседних и западных государств, в том числе союзного и республиканского происхождения, имеющих отношение к деятельности СССР, УССР и БССР в ООН.

В настоящее время научное изучение участия БССР в деятельности ООН, рассматриваемое уже в широком контексте проблемы «союзные республики и советская дипломатия», а не как иллюстративный провинциальный нарратив к союзной тематике с республиканскими примерами и фактами, имевший распространение в советское время, в том числе в известной работе автора, изданной в 1985 г. [10], вышло на качественно новый исследовательский уровень. Достигнутые результаты и имеющиеся солидные заделы в виде документальных изданий и возможностей пользования национальными и зарубежными архивами ставят на повестку дня подготовку обобщающих работ и специальных монографий по исследованной проблеме.

Библиографические ссылки

1. *Снапкойскі У. Е.* Традыцыі і навацыі ў знешнепалітычных даследаваннях Беларусі : дапаможнік. Мінск, 2020.
2. Белорусская ССР на международной арене. М., 1964.
3. *Киселев К. В.* Белорусская ССР – в ООН // Советский Союз и Организация Объединенных Наций (1961–1965 гг.) / под ред. В. Л. Исраэляна. М., 1968.
4. *Леценко Л. О.* Україна на міжнародній арені (1945–1949). Київ, 1969.
5. Нариси з історії дипломатії України / ред. В. А. Смолій. Київ, 2001.
6. *Войтович С. Д.* В борьбе за мир и безопасность народов (ООН: проблема разоружения и ослабления международного напряжения и участие в ее обсуждении делегации БССР). Минск, 1977.
7. *Войтович С. Д.* ООН и страны социализма: проблемы мира и безопасности народов. Минск, 1980.
8. *Смирнов В. С.* Беларусь в Совбезе ООН: Воспоминания белорусского посла // Беларус. думка. 2011. № 1. С. 64–71.
9. *Смирнов В. С.* По долгу интернациональной солидарности: Участие Белорусской ССР в борьбе прогрессивных сил ООН против колониализма. Минск, 1982.
10. *Снапковскі В. Е.* Белорусская ССР в ООН (1945–1985 гг.). Минск, 1985.
11. *Удовенко Г. И.* В інтересах миру і співробітництва. Українська РСР в ООН. Київ, 1984.
12. *Віднянський С. В., Мартинов А. Ю.* Україна в Організації Об'єднаних Націй: 60 років участі у розв'язанні найважливіших міжнародних проблем. Київ, 2006.
13. *Раманойскі Р. Г.* БССР і ЮНЕСКА на пераломе эпох: 1985–1991 гг. // Беларус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2004. № 2. С. 29–33.
14. *Свилас С. Ф.* Деятельность Белорусской ССР в ЮНЕСКО (1954–1964 гг.). Минск, 2013.
15. *Гуринович А. Е.* Дипломатия Белоруссии // Междунар. жизнь. 1988. № 4. С. 62–70.
16. *Гуринович А. Е.* Участие Белорусской ССР в деятельности ООН. Минск, 1982.
17. *Снапковскі В. Е. А. А.* Громько и внешнеполитическая деятельность союзных республик // «Война между государствами – великое зло». К 110-летию А. А. Громько / общ. ред. А. А. Громько. М., 2019.

18. *Языкович Л. В.* Деятельность Белорусской ССР в ЮНЕСКО. Минск, 1986.
19. *Sawczuk K.* The Ukraine in the United Nations Organization. Study in Soviet Foreign Policy, 1944–1950. N. Y. ; London, 1975.
20. *Aspaturian V.* The Union Republics in the Soviet Diplomacy: A Study of Soviet federalism in the service of Soviet foreign policy. Paris ; Geneve, 1960.
21. *Dallin A.* The Soviet Union at the United Nations. An Inquiry into Soviet Motives and Objectives. N. Y., 1962.
22. *Kis T. I.* Nationhood, Statehood and the International Status of the Ukrainian SSR/Ukraine. Ottawa, 1989.
23. *Снапковскій В. Е.* Путь Беларуси в ООН: 1944–1945 гг. Минск, 1994.
24. *Снапкойскі У. Е.* Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі у 1944–1953 гг. Минск, 1997.
25. *Снапковскій В. Е.* Белорусский отряд советской дипломатии // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і між-дзяржаўныя адносіны : зб. навук. арт. Вып. 7. 2020. С. 139–145.
26. Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность СССР (ноябрь 1989 г. – декабрь 1990 г.). Обзор МИД СССР // Междунар. жизнь. 1991. № 3. С. 3–181.
27. *Кравченко П. К.* Беларусь на распутье, или правда о Беловежском соглашении. Записки дипломата и политика. М., 2006.
28. *Бровка Ю. П.* Белорусская ССР – суверенный участник международного общения. Минск, 1974.
29. *Забигайло К. С.* Международно-правовая деятельность Украинской ССР. Киев, 1972.
30. *Кремнев П. П.* Распад СССР: международно-правовые проблемы. М., 2005.
31. *Власова Л. В.* БССР в международном культурном и научном сотрудничестве: Организационно-правовые вопросы. Минск, 1984.
32. Белоруссия и Чернобыль: К итогам деятельности делегации БССР на 45-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Минск, 1991.
33. За мир и сотрудничество между народами: Участие Белорусской ССР в 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Минск, 1986.
34. *Зленко А.* Украина, ООН, мировая дипломатия // Междунар. жизнь. 1990. № 11. С. 15–17.
35. В интересах миру і дружби між народами. Міжнародно-правовая діяльність Української РСР, 1945–1972: Документи і коментарі. Київ, 1974.
36. *Громько А. А.* Памятное : в 2 кн. М., 1989.
37. *Аўласенка І. М.* Беларускія пісьменнікі ў Арганізацыі Аб'яднаных Нацый: выступленні, назіранні, уражанні. Мінск, 2021.

38. *Кравченко П. К.* Беларусь на переломе: дипломатический прорыв в мир: выступления, статьи, интервью, беседы, дипломатические документы и переписка. Минск, 2009.

39. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.) : зб. дак. і матэрыялаў : у 4 т. / М-ва замеж. спраў Рэсп. Беларусь ; Беларус. дзярж. ун-т ; Нац. архіў Рэсп. Беларусь. – Мінск : Юніпак, 2008–2015. – Т. 1 : 1 жніўня 1914 г. – 18 сакавіка 1921 г. / склад.: А. Ф. Вялікі [і інш.] ; рэдкал.: С. М. Мартынаў (старш.) [і інш.]. – 2008 ; Т. 2 : 19 сакавіка 1921 г. – 31 жніўня 1939 г. / склад.: А. Ф. Вялікі [і інш.] ; рэдкал.: С. М. Мартынаў (старш.) [і інш.]. – 2012 ; Т. 3 : 1 верасня 1939 г. – 3 ліпеня 1944 г. / склад.: А. Ф. Вялікі [і інш.] ; рэдкал.: С. М. Мартынаў (старш.) [і інш.]. – 2010 ; Т. 4 : 4 ліпеня 1944 г. – 25 жніўня 1991 г. / склад.: У. Е. Снапкоўскі [і інш.] ; рэдкал.: С. М. Мартынаў (старш.) [і інш.]. – 2015.

40. Знешняя палітыка Беларусі : зб. дак. і матэрыялаў : у 10 т. / М-ва замеж. спраў Рэсп. Беларусь ; Беларус. навука.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 1997–2014. – Т. 5 : верасень 1945 г. – 1975 г. / склад. У. М. Міхнюк [і інш.]. 2002.

41. Знешняя палітыка Беларусі: зб. дак. і матэрыялаў. Т. 6 (1976 г. – верасень 1991 г.). / склад. У. К. Ракашэвіч, А. В. Шарапа. Мінск, 2003.

42. *Барышев А. П.* Мировая политика и Организация Объединенных Наций 1945–2009. М., 2013.

43. *Гайдук И. В.* В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН, 1945–1965 гг. М., 2012.

44. *Гришаева Л. Е.* Россия и ООН: история и современность. М., 2007.

45. *Козырев А. В.* Мы и мир в зеркале ООН. М., 1991.

46. *Роцин А. А.* Организация Объединенных Наций и «холодная война» // Новая и новейшая история. 1991. № 5. С. 74–84.

47. *Verdross A.* Die Völkerrechtssubjektivität der Gliedstaaten der Sowjetunion // Österreichische Zeitschrift für Öffentliches Recht. 1948. Bd 1, № 1–2. P. 212–218.

48. *Dullin S., Peyrat E.* Flexible Sovereignities of the Revolutionary State: Soviet Republics Enter World Politics // J. of the History of International Law. 2017. № 19. P. 1–22.

49. *Nichol J.* Diplomacy in the Former Soviet Republics. London, 1995.

50. *Uibopuu H.-J.* Die Völkerrechtssubjektivität der Unionrepubliken der UdSSR. Vienna, 1975.

51. *Materski W.* Narodziny ONZ. Idea międzynarodowej organizacji bezpieczeństwa w polityce zagranicznej ZSRR. 1941–1945. Warszawa, 1982.

52. *Materski W.* Sowietcy dyplomaci o genezie Organizacji Narodów Zjednoczonych. Warszawa, 2008.

ИЗМЕНЕНИЕ СТРАТЕГИИ БЕЗОПАСНОСТИ АВСТРАЛИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

К. И. Ярмошук

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, г. Минск, Республика Беларусь, 220030
karinayarmoshuk@gmail.com*

Рассмотрен генезис стратегии безопасности Австралии в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Выделяются два этапа в генезисе стратегии безопасности, аргументируются их хронологические рамки, описываются предпосылки изменения стратегии, выделяются три составляющие новой стратегии и дается их подробная характеристика. Статья является первым комплексным русскоязычным исследованием генезиса стратегии безопасности Австралии в АТР, включающим аргументирование выбора определенной стратегии и условия перехода к новой на основе междисциплинарного анализа преимущественно австралийских источников и историографии. Результаты работы могут быть использованы для дальнейших комплексных исследований в сфере международной безопасности.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион; стратегия балансирования; ось средних держав; COVID-19; национальная безопасность; диверсификация экспорта.

CHANGE IN AUSTRALIA'S SECURITY STRATEGY IN THE ASIAN-PACIFIC REGION

Yarmosuk K. I.

*Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, Minsk, Belarus, 220030
karinayarmoshuk@gmail.com*

This study examines the genesis of Australia's security strategy in the Asia-Pacific region (APR). The author identifies 2 stages in the genesis of the security strategy, argues the chronology of the identified stages, describes the

prerequisites for changing the strategy, identifies three components of the new strategy and gives a detailed description of them. The novelty of this work is that this analysis is the first comprehensive Russian-language study of the genesis of Australia's security strategy in the Asia-Pacific region, including argumentation for the choice of a certain strategy and the conditions for the transition to a new one on the basis of an interdisciplinary analysis of predominantly Australian sources and historiography. As a result of the study, the author comes to the conclusion that in the genesis of Australia's strategy in the Asia-Pacific region it is worth highlighting 2 stages: 1) 2011–2018 – considering the competition between the PRC and the United States in the region, Australia is applying a strategy of balancing between the United States (its main military-political partner) and the PRC (its main trade and economic partner); 2) 2018 – present – the balancing strategy has undergone a number of changes, as a result of which Australia is adopting a new balancing strategy. The results of the work can be used for further development of this topic and in more comprehensive studies in the field of international security.

Keywords: Asia-Pacific region; balancing strategy; middle powers axis; COVID-19; national security; export diversification.

В генезисе стратегии Австралии в АТР стоит выделить два этапа: 1) 2011–2018 гг. – на фоне конкуренции КНР и США в регионе Австралия применяет стратегию балансирования между США (главный военно-политический партнер) и КНР (главный торгово-экономический партнер); 2) 2018 г. – н. в. – стратегия балансирования претерпела ряд изменений, в результате чего Австралия применяет новую.

Когда США совершили поворот в сторону Азии в 2011 г., расстановка сил в АТР характеризовалась соперничеством двух региональных лидеров – США и КНР. Говоря об Австралии: несмотря на то что она являлась субрегиональным лидером в ЮТР, нельзя было говорить о лидерстве Австралии во всем АТР, так как она находилась в условиях военно-политической зависимости от США и торгово-экономической – от КНР.

В таких условиях, когда США являются главным военно-политическим, а КНР – главным торгово-экономическим партнером Австралии, встает вопрос о том, какую стратегию выбрала Австралия, чтобы получить максимум выгоды для себя. Такой стратегией стала политика *балансирования между США и КНР*.

В общем и целом в научно-экспертном сообществе Австралии существует три теоретических подхода к фактору КНР во внешней политике Австралии: консерватизм, либерализм и реализм [1].

1. *Консерваторы*, к которым можно отнести бывшего премьер-министра Австралии Дж. Ховарда, считают, что стоит настороженно относиться к военному росту КНР в регионе, потому что он является вызовом для США, что приводит к соперничеству и возникновению конфликтов в регионе. Исходя из этой парадигмы, основным направлением внешней политики Австралии должно являться более глубокое сотрудничество с США в военно-стратегической сфере, а также усиление национальных морских и воздушных сил безопасности.

2. *Либералы*, к которым можно отнести К. Радда и Дж. Гиллард (лейбористы), считают, что экономическая мощь КНР предоставляет большие экономические возможности для самой Австралии.

3. *Реалисты*, в основном представленные профессорами университетов и экспертами научно-исследовательских центров, а также Т. Абботтом (либерал), полагают, что основной внешнеполитической задачей для Австралии должен являться поиск путей реализации политики балансирования между своим военно-политическим союзником США и своим главным экономическим партнером КНР так, чтобы извлечь максимум выгоды для себя [1].

После Дж. Эббота (2013–2015) премьер-министрами Австралии были М. Тернбулл и С. Моррисон (2016 г. – н. д.) – так же, как и Дж. Эббот, представители либеральной партии. Неудивительно, что реалистичный курс был продолжен и Австралия успешно применяла стратегию балансирования.

Однако на современном этапе наблюдается изменение стратегии балансирования Австралии. Эту стратегию можно назвать «новой стратегией балансирования».

Можно сказать, что изменение стратегии Австралии заключается в следующем: оставаясь приверженной политике балансирования между США и Китаем, она переходит к большей самостоятельности, что проявляется в стремлении: 1) выстроить ось средних держав, которая была бы противовесом и некоторым сдерживающим фактором США и КНР; 2) отойти от полной зависимости от США и перейти к большей самостоятельности в вопросе обеспечения собственной безопасности; 3) снизить зависимость в экономическом плане от КНР и диверсифицировать экспорт.

Говоря о нововведениях в традиционной стратегии балансирования, рассмотрим стремление Австралии после пандемии выстроить свою образную «ось средних держав» [2].

Ось средних держав. В новой оборонной стратегии Австралии 2020 г. отмечается, что «крупные державы стали более настойчиво продвигать свои стратегические интересы и стремиться оказывать влияние в регионе, включая активное стремление Китая к усилению влияния в АТР. Австралия обеспокоена возможностью таких действий, как создание военных баз, которые могут подорвать стабильность в регионе. Она заявляет, что очень важно, чтобы страны отстаивали свои интересы на основе взаимного уважения и поддержки стабильности, процветания и безопасности» [3]. А ось средних держав будет направлена на более глубокое двустороннее и многостороннее сотрудничество с существующими партнерами, а также на выстраивание новых многоуровневых взаимодействий с новыми партнерами в качестве защиты от держав, которые будут стремиться подорвать установленные региональные правила, основанные на международном праве и безопасности.

Ось средних держав плотно свяжет государства в клубок взаимодействий в сфере торговли, безопасности, обмена разведанными, культурного обмена и военного сотрудничества. Этот клубок также должен стать центром с достаточным совокупным стратегическим, экономическим весом и весом в сфере безопасности, чтобы уравновесить двух лидеров в АТР – США и Китай [2].

Это не означает, что Австралия должна разрывать или ослаблять двусторонние отношения, которые у нее есть с США или Китаем, но «ось средних держав» даст ей больше рычагов давления на эти крупные державы в преследовании своих как экономических интересов, так и интересов в сфере безопасности.

Для выстраивания такой оси Австралия должна:

1) удвоить свою вовлеченность и поддержку таких многосторонних форумов, как АСЕАН, АТЭС, ФТО (Форум Тихоокеанских островов) и ВАС (Восточноазиатский саммит);

2) усилить взаимодействие с ее партнерами – средними державами, включая такие страны, как Япония, Южная Корея, Сингапур, Индонезия, Вьетнам, Индия, и другими партнерами, такими как Франция и Великобритания, которые имеют интересы в АТР [2];

3) заключить набор многосторонних договоренностей с различными партнерами по различным вопросам – военному сотрудничеству, безопасности, разведке, экономике. По форме реализации они могут представлять собой новую серию трех- и четырехсторонних соглашений, которые Австралия может комбинировать и сочетать на основе общих интересов участников. К примеру, четырехстороннее сотрудничество Австралии, Индии, Японии и Индонезии, которые проводят совместные учения по ликвидации последствий стихийных бедствий, или треугольник Австралии, Вьетнама и Японии по борьбе с пиратством и контрабандой. Франция, Великобритания и Австралия могли бы работать вместе над реализацией программ развития для тихоокеанских островных государств или над планом развертывания будущей вакцинации против COVID-19 в развивающихся странах региона [2].

Большее участие Австралии в обеспечении собственной безопасности. В новой оборонной стратегии Австралии 2020 г. содержится следующий тезис: «Только ядерный и конвенциональный потенциал Соединенных Штатов может обеспечить эффективное сдерживание потенциальных ядерных угроз Австралии. Но правительство намерено, чтобы Австралия взяла на себя большую ответственность за собственную безопасность. Поэтому очень важно развивать собственные военные возможности» [3].

Более того, в стратегии отмечается, что, учитывая ограниченную ресурсную базу Австралии, она должна наращивать военные возможности своими собственными темпами, не стремясь соответствовать крупным державам. Это включает в себя развитие возможностей удерживать силы и инфраструктуру противника вдали от Австралии, например развивая ударное оружие большой дальности и кибер-возможности. К тому же в соответствии с The 2020 Force Structure Plan (План структуры вооруженных сил 2020) правительством будет выделено финансирование в течение десятилетия до 2029–2030 гг. в размере около 270 млрд долл. США в оборонный потенциал [3].

Общий объем финансирования военной сферы в размере 575 млрд долл. США за следующее десятилетие включает около 270 млрд инвестиций в военные возможности (для сравнения во времена Белой книги по вопросам обороны Австралии 2016 г. выделяли на эти цели 195 млрд долл. США) [4]. Усилия направлены на пять операционных областей: информация и кибер-сфера, морское простран-

ство, воздушное пространство, космическое пространство, наземное пространство. Эти направления можно категоризировать по степени самостоятельности Австралии. Хотя в космической сфере Австралия все также сильно зависит от США, в сфере ИКТ и кибернетики Австралия твердо стоит на ногах. В таких классических военных сферах, как воздух, суша и море, Австралия продолжает кооперироваться с США, однако степень австралийского участия заметно возрастает, особенно в сфере финансирования и инвестирования в новые военные технологии. Такой расклад можно проследить и по тому, как распределены средства для инвестирования в разные военные сферы. В самую зависимую от США сферу (космос) Австралия планирует вложить лишь 7 млрд долл. США, а в кибер- и ИКТ сфере, где она пионер, в два раза больше – 15 млрд. Сферы приоритетного финансирования – морская, воздушная, наземная – примерно равновесны: это 75, 65 и 55 млрд долл. США соответственно.

Диверсификация экспорта. Характеризуя экономику Австралии, стоит сказать, что она экспортно ориентированная. В 2019 г. ВТО поставила Австралию на 21-е место в списке крупнейших экспортеров в мире с 1,4 % от общего объема экспорта и на 24-е место среди импортеров, на которого приходилось 1,2 % мирового импорта [5], т. е. Австралия очень зависит от экспорта своих товаров и услуг. Недавний анализ, проведенный Центром США – Азия (Perth US – Asia Center), показывает, что половина из 30 ведущих экспортных отраслей Австралии приходится на один доминирующий рынок – Китай [5]. Примечательно, что на фоне пандемии COVID-19 Австралия вошла в торговый конфликт с КНР: Китай ввел санкции в отношении экспорта австралийского ячменя, говядины, образовательных услуг и туризма, что являлось явным ответом на позицию Австралии по независимому международному расследованию возникновения COVID-19.

Предполагается, что Австралия еще столкнется с подобными экономическими шоками, поэтому Межпартийный парламентский комитет Австралии рекомендовал стране диверсифицировать свой экспорт и избавиться от зависимости от Китая, чтобы подобные «шоки» не были столь разрушительными [6].

На современном этапе Вьетнам, Индонезия и Индия являются для Австралии привлекательными партнерами в деле диверсификации своих экономических отношений.

Хотя Китай традиционно затмевает всех в качестве основного направления экспорта хлопка из Австралии с 2010 г., рынок Вьетнама хорошо зарекомендовал себя в качестве альтернативного для австралийского экспорта в течение последних шести лет [5]. Вьетнам был одной из немногих стран, где в 2020 г. наблюдался рост экономики. Его текстильная и швейная промышленность пострадала от пандемии меньше, чем в других странах. Также Вьетнам смог сохранить позицию второго крупнейшего партнера Австралии по экспорту хлопка после Китая в 2020 г. [5]. Это означает, что Австралия имеет хорошие возможности для увеличения доли импорта во Вьетнам.

Говоря об Индонезии, стоит отметить, что это крупнейшая экономика Юго-Восточной Азии и 16-я по величине экономика в мире. По некоторым оценкам, к 2030 г. Индонезия станет пятой по величине экономикой мира. [7]. Примечательным шагом стало подписание Соглашения о всеобъемлющем экономическом партнерстве между Индонезией и Австралией (The Indonesia-Australia Comprehensive Economic Partnership Agreement (IA-CEPA)), которое вступило в силу 5 июля 2020 г. В связи с этим стоит выделить ключевые преимущества Соглашения для Австралии в торговле товарами: свыше 99 % экспорта австралийских товаров в Индонезию будет осуществляться беспошлинно или по значительно улучшенным преференциальным соглашениям; Индонезия гарантирует автоматическую выдачу разрешений на импорт ключевых продуктов, таких как живой скот, замороженная говядина, баранина, кормовые зерна, сталь, цитрусовые, морковь и картофель [7]; также Соглашение предоставляет выгодные условия по линии торговли услугами и особенно туризма (приоритетно в сфере образования). Предполагается, что Соглашение стало стартовой площадкой для дальнейшего развития продуктивных и взаимовыгодных партнерских отношений.

Индия была 8-м по величине торговым партнером Австралии и 3-м по величине рынком экспорта услуг в 2019–2020 гг. [8]. 18 декабря 2020 г. Индия выпустила Отчет об экономической стратегии в отношении Австралии (Australia Economic Strategy), который является единственным стратегическим отчетом когда-либо подготовленным правительством Индии для какой-либо конкретной страны. Более того, он является ответом на такой же отчет по экономической стратегии Австралии в отношении Индии до 2035 г., выпущенный в 2018 г. Стратегия

ставит перед Индией цель стать одним из трех крупнейших экспортных рынков Австралии, сделать Индию третьим по величине направлением в Азии для австралийских инвестиций (в размере 100 млрд долл. США к 2035 г.) и выстроить сбалансированные взаимовыгодные торговые отношения между обеими странами [9]. Судя по тому, как быстро и активно по многим направлениям развивается двустороннее сотрудничество между Индией и Австралией, вполне логично ожидать, что следующей страной, с кем Австралия подпишет договор о создании зоны свободной торговли (ЗСТ), будет Индия [10].

Изменение стратегии Австралии заключается в следующем: оставаясь приверженной политике балансирования между США и Китаем, она переходит к большей самостоятельности, что проявляется в стремлении:

- выстроить ось средних держав, которая была бы противовесом и некоторым сдерживающим фактором США и КНР (выстраивание клубка двусторонних и многосторонних партнерств средних держав с достаточным совокупным стратегическим, экономическим весом и весом в сфере безопасности, чтобы уравновесить две сверхдержавы в регионе – США и Китай);
- отойти от полной зависимости от США и перейти к большей самостоятельности в вопросе обеспечения собственной безопасности (Австралия очень активна в сфере ИКТ и кибернетики, а в таких классических военных сферах, как воздух, суша и море, несмотря на кооперирование с США в рамках военного альянса, степень ее участия заметно возрастает посредством мощного финансирования и инвестирования в новые военные технологии);
- снизить зависимость в экономическом плане от КНР и диверсифицировать экспорт (в качестве приоритетных альтернативных рынков Австралия рассматривает Вьетнам, Индонезию и Индию).

Библиографические ссылки

1. *Белей С. И.* Фактор Китая в политике Австралии в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Журн. междунар. права и междунар. отношений. 2014. № 1. С. 33–37.

2. *Khalil P.* The future of Australian foreign policy: beyond the major powers, towards a ‘fulcrum’ of middle powers [Electronic resource] // After Covid-19:

Voices from federal parliament (Vol. 3). URL: https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2020-12/After%20Covid-19%20Volume%203_1.pdf?YAvLkXatwCsGNLpd82TXp.B9SGqkci3n (date of access: 15.09.2021).

3. 2020 Defence Strategic Update [Electronic resource] // Australian Defence Department. URL: <https://www1.defence.gov.au/about/publications/2020-defence-strategic-update> (date of access: 26.08.2021).

4. 2020 Force Structure Plan [Electronic resource] // Australian Defence Department. URL: <https://www1.defence.gov.au/about/publications/2020-force-structure-plan> (date of access: 26.08.2021).

5. *Hull G.* Too Many Eggs in the Dragon's Basket? Part Two: Diversifying Australia's Export Base [Electronic resource] // Future Directions International. URL: <https://www.futuredirections.org.au/publication/too-many-eggs-in-the-dragons-basket-part-two-diversifying-australias-export-base/> (date of access: 15.04.2021).

6. *Wilson J.* Trade Diversification is Essential for Australia's Recovery [Electronic resource] // Australian Institute of International Affairs. URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/trade-diversification-essential-for-australias-recovery/> (date of access: 15.04.2021).

7. Indonesia-Australia Comprehensive Economic Partnership Agreement (IA-CEPA) [Electronic resource] // Australian Trade and Investment Commission. URL: <https://www.austrade.gov.au/australian/export/free-trade-agreements/iacepa> (date of access: 26.09.2021).

8. *Dipanjari R.* India-Australia trade & investment ties to get major boost with Australia India Business Exchange launch [Electronic resource] // The Economic Times. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/india-australia-trade-investment-ties-to-get-major-boost-with-australia-india-business-exchange-launch/articleshow/81943822.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (date of access: 15.09.2021).

9. *Jha Bhaskar N.* Australia and India Economic Relations: The Stars Have Aligned [Electronic resource] // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2020/12/australia-and-india-economic-relations-the-stars-have-aligned/> (date of access: 18.08.2021).

10. India – our next free trade agreement? [Electronic resource] // Business Australia. URL: <https://www.businessaustralia.com/how-we-help/grow-your-business/preparing-to-export/india-our-next-free-trade-agreement> (date of access: 26.09.2021).